

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Выпускъ I.

МОСКВА.

Типографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1903.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

ВЫПУСКЪ I.

ENSU
Riiklik Avalik
Raamatukog -

4,2306

МОСКВА.
Типографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 20 іюля 1903 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Выпускъ I.

„Дѣла давно минувшихъ дней...“

Когда скончалась Императрица Марія Теодоровна, то нашелся у нея ящикъ, въ которомъ хранилась переписка фрейлины Нелидовой съ Императоромъ Павломъ. На этомъ ящикѣ было написано: «Lettres de mademoiselle Nelidoff.»

Императоръ Николай Павловичъ тотчасъ же переслалъ эти бумаги Е. И. Нелидовой, по смерти которой онъ потребовалъ къ себѣ всю переписку, читалъ ее цѣлую ночь и, отобравъ нѣкоторыя письма, возвратилъ остальные племянницѣ ея княгинѣ Трубецкой.

Императрица Александра Теодоровна посѣщала Е. И. Нелидову. Однажды, вечеромъ, послѣ кончины Императрицы Маріи Теодоровны, была она у Нелидовой и разговоръ зашелъ о Императорѣ Павлѣ. Александра Теодоровна спрашивала о немъ и пожелала, между прочимъ, взглянуть на его почеркъ. Тогда Е. И. Нелидова дала Императрицѣ извѣстное письмо Императора Павла къ Императрицѣ Екатерицѣ, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ къ ней Павла Петровича. Але-

ксандра Θεодоровна взяла письмо къ себѣ, но вскорѣ возвратила его Нелидовой при запискѣ, въ которой говорилось, что не было надобности въ этомъ письмѣ для того, чтобы знать, каковы были дѣйствительныя отношенія Нелидовой къ Императору Павлу.

10 марта 1801 года вечеромъ собрались у Нелидовой близкія ея знакомыя и пріятельницы Смольнаго монастыря. Одна изъ нихъ, г-жа Ильина, раскладывала карты и гадала. Нелидова обратилась къ ней со словами: «Ильюша (такъ обыкновенно звала она г-жу Ильину), dites moi la bonaventure!» Та сначала не хотѣла, но, по настоянію Нелидовой, начала гадать. Предсказаніе вышло недоброе, и Ильина не захотѣла передать его Нелидовой, но та настаивала. Тогда Ильина рѣшилась сказать, что ее ожидаетъ какое-то большое горе. На другое утро всё узнали о кончинѣ Императора Павла.

По вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ Петровичъ довольно часто навѣщалъ Смольный монастырь и всегда бывалъ ласковъ и пріятливъ съ воспитанницами. Такъ, вскорѣ послѣ кончины Императрицы Екатерины, онъ пріѣхалъ въ Смольный съ Императрицей Маріей Θεодоровной и предложилъ дѣвицамъ ѣхать поклониться тѣлу Императрицы. Онъ даже спрашивалъ, какъ онѣ предполагаютъ ѣхать, въ саняхъ или въ каретѣ. Въ то время начальницею Смольнаго института была г-жа Лафонъ (m-me Lafont), которую всё любили, но очень боялись. Во дворцѣ Государь и Императрица сами подводили воспитаницъ къ тѣлу Екатерины, потомъ ихъ угощали шоколадомъ. Одна изъ дѣвицъ нечаянно запачкала себѣ шоколадомъ платье. Страхъ прогнѣвить г-жу Лафонъ былъ такъ великъ, что дѣвушка бросилась къ Государю со словами: «Ne

dites pas à бабушка!» Всѣ въ Институтѣ звали г-жу Лафонъ бабушкой.

Когда Павелъ Петровичъ пріѣзжалъ въ Смольный съ Императрицей Маріей Θεодоровной, то дѣвицы имѣли обыкновеніе окружать его и обступать со всѣхъ сторонъ. Г-жа Лафонъ была очень недовольна этимъ и наконецъ дала строгое приказаніе: ни подъ какимъ видомъ не подходить къ Государю, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Такая угроза относилась также и до большихъ дѣвиць, и всѣ знали, что г-жа Лафонъ шутить не любитъ и что пощады никому не дастъ. Однажды пріѣзжаетъ Государь съ Императрицею; входитъ очень веселый и, по обыкновенію, привѣтливо обращается къ воспитанницамъ со словами: «*Bonjour, mes enfants!*» Обыкновенно его тутъ же и окружали, но на этотъ разъ никто не тронулся съ мѣста. Удивленный Государь повторяетъ: «*Bonjour, mes enfants!*» Ни съ мѣста. Онъ еще разъ, уже очень недовольный. Опять то же. Тогда Павелъ Петровичъ вышелъ изъ себя и при всѣхъ началъ упрекать Императрицу, говоря, что по ея милости его лишаютъ удовольствія, что пріѣзжать въ Смольный для него отдыхъ, что его и здѣсь хотятъ всячески раздражить. Императрица, не понимая ничего и видя Государя разстроеннаго, приказываетъ дѣвушкамъ подойти къ нему; но страхъ предъ г-жею Лафонъ былъ такъ великъ, что онѣ и тутъ не рѣшились двинуться. Тогда Марія Θεодоровна сама взяла одну дѣвушку за руку, и только тогда остальные рѣшились послѣдовать за нею.

Государь былъ всегда очень ласковъ и обходителенъ съ воспитанницами; любилъ ихъ разспрашивать, шутилъ и говорилъ не разъ: «Когда я между вами, мое сердце отдыхаетъ, какъ на бархатной подушкѣ».

Е. И. Нелидова ничего не знала о письмѣ Павла Петровича къ Екатеринѣ. Она прочла его въ первый разъ послѣ смерти Императрицы Маріи Ѳеодоровны и, глубоко тронутая, говорила, что никакъ не ожидала подобнаго письма.

Однажды Н. зашла къ Нелидовой и застала ее передъ раскрытымъ ящикомъ съ письмами Павла Петровича. Со слезами на глазахъ показала она ей письмо его къ Екатеринѣ. Послѣ смерти Павла Нелидова черезъ день посѣщала Императрицу Марію Ѳеодоровну *).

Въ числѣ воспитанницъ Смольнаго монастыря была княжна Марія Борисовна Голицына. Она была хороша собою и такъ поправилась Императору Павлу, что однажды, въ порывѣ щедрости, онъ далъ ей листъ бумаги съ своею подписью, сказавъ, что она можетъ вписать, что ей вздумается, ежели она когда-нибудь въ чемъ-либо будетъ нуждаться.

Княжна Марія Борисовна вышла замужъ впоследствии за бригадира Петра Николаевича Алмазова, человѣка пылкаго и самолюбимаго. Когда онъ узналъ о существованіи подобной бумаги, то немедленно приказалъ ее уничтожить, что и было исполнено **).

Разсказываютъ ***), что она довольно плохо говорила по-французски. Такъ, однажды, будто обратилась она къ своему двоюродному брату князю Ѳеодору Сергѣевичу Голицыну, уговаривая его отойти, чуть ли не отъ печки, со словами: «Otez vous de la, mon cousin, vous êtes humide» — такъ переводила она выраженіе «сырой»

*) Со словъ Аграфены Васильевны Кафтыревой, ур. Мацкевичъ, бывшей воспитанницы Смольнаго монастыря.

***) Со словъ Вар. Елизаветы Сергѣевны Дѣлеръ, рожд. Шереметевой, вгучки М. Б. Алмазовой.

***) Со словъ княгини Вѣры Ѳеодоровны Вяземской, рожд. кн. Гагариной.

человѣкъ. Она же, говорятъ, переводила «сквозные вѣтры»:—«des vents transparents» *).

Графъ Фридрихъ Паленъ рассказывалъ за достовѣрность, что въ одной изъ церквей—не помню, какой губернии — находилась икона съ изображеніемъ Страшнаго суда, въ числѣ грѣшниковъ, идущихъ въ адъ, представленъ былъ Императоръ Павелъ въ мундирѣ и треугольной шляпѣ **).

Мать Марьи Борисовны Алмазовой была княжна Долгорукая ***); Марья Борисовна много рассказывала про ужасы времени Бирона.

Марья Борисовна скончалась въ Москвѣ въ нашемъ домѣ на Воздвиженкѣ; бабушка Варвара Петровна въ это время была въ Петербургѣ; при Марьѣ Борисовнѣ были моя мать и тетюшка Екатерина Сергѣевна. Въ послѣднее время она почти не выходила изъ своей комнаты и лежала въ постели. Она была очень слаба, но все же не ожидала скорой кончины. Когда моя мать и тетюшка Екатерина Сергѣевна съ дочерью Варварой Алексѣвной вернулись изъ концерта, онѣ были поражены перемѣною, а оставшаяся при М. Б. невѣстка Алмазова встрѣтила ихъ съ упрекомъ. М. Б. причастилась, соборовалась, даже просила напоить духовенство чаемъ... И тихо скончалась безъ сознанія ****). Похоронена она въ Донскомѣ, тамъ же, гдѣ ея мужъ—бригадиръ Алмазовъ.

*) Со словъ кн. В. Ф. Вяземской, рожд. кн. Гагариной.

***) Со словъ гр. В. П. Орлова-Давыдова, слышавшаго рассказъ отъ самого графа Палена.

****) Маіоръ, князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ родился 17 марта 1715 г. † 14 сент. 1761 г. Его жена, урожденная княжна Наталья Александровна Долгорукая, р. 24 ав. 1729 г. † 21 янв. въ 1773 г. (пох. въ Донскомѣ). Ея отецъ князь Александръ Петровичъ Долгорукій женатъ на Натальѣ Александровнѣ Кикиной. (Долгоруков. Родосл. кн; ч. I, стр. 291).

*****) Со словъ тетюшки Екатерины Сергѣевны Шереметевой.

Помню, какъ дядя Василій Сергѣевичъ ходилъ поклониться ея могилѣ и мнѣ ее показывалъ.

О странностяхъ и чудачествахъ П. Н. Алмазова сохранился слѣдъ въ воспоминапіяхъ его правнука К. Б. Алмазова. «Алмазовскіе педотыки!» говаривала бабушка Екатерина Васильевна, когда ее смущали нѣкоторыя черты характера Алмазовыхъ *).

Недалеко отъ Останкина и села Троицкаго подмосковное село Вешки принадлежало семейству Алмазовыхъ. Бабушка Варвара Петровна провела въ этомъ имѣніи всю свою молодость съ отцомъ своимъ Петромъ Николаевичемъ и матерью Марьею Борисовною. Здѣсь же познакомилась она съ дѣдомъ Сергѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ и здѣсь же сдѣлалась невѣстой. Она была годомъ старше его, но объ этомъ никто никогда не говорилъ; дѣдъ мой только что тогда поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и долженъ былъ готовиться къ заграничной служебной поѣздкѣ. Сдѣлавшись женихомъ, онъ рѣшился все бросить, а когда женился, вышелъ въ отставку. Онъ долго жилъ въ Московскомъ Алмазовскомъ домѣ на Басманной **). Алмазовымъ принадлежало въ Симбирской губерніи въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ село Теренга. Видъ этого богатого села сохранился у тетушки Елизаветы Сергѣевны и въ настоящее время находится въ ея комнатѣ въ Михайловскомъ.

При Марьѣ Борисовнѣ Алмазовой долгое время жила дѣвушка Мариша, которую я и засталъ на Воздви-

---

*) П. Н. Алмазовъ, Богородскій уѣздн. пр. двор. (1791—94), р. 3 янв. 1756 г. † 18 февр. 1815 г. Жена его княжна Голицына, родилась 22 апр. 1758 г., † 22 февр. 1847 г.

**) Видъ этого дома и планъ сохранились въ бумагахъ В. П. Шереметевой.

женкѣ уже Мариной Никифоровной - старухой, по довольно бойкой и веселой. Она всѣхъ пережила и скончалась уже при тетускѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ, никогда не покидая семью. Она была уроженка села Тереньги и подъ конецъ немного попивала.

Тетушка Елизавета Сергѣевна рассказывала мнѣ о своей первой встрѣчѣ съ архимандритомъ Фотіемъ *). Въ одинъ изъ пріѣздовъ бабушки Варвары Петровны въ Троицкую лавру, познакомилась она тамъ съ архимандритомъ Фотіемъ. Въ двухъ экипажахъ подъѣхали къ лаврской гостиницѣ графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, ея воспитанникъ Казаковъ и архимандритъ Фотій. Страннымъ показалось бабушкѣ, что Фотій прежде всего отправился изъ гостиницы въ конюшню, гдѣ осматривалъ лошадей, и потомъ уже направился въ монастырь. Случайно на бульварѣ встрѣтилась она съ Фотіемъ и прямо подошла къ его благословенію. Фотій поднялъ худую, костлявую руку и, обращаясь къ графинѣ Орловой, отрывисто спросилъ: «А постное ѣсть?» И благословилъ только тогда, когда графиня дала удовлетворительный отвѣтъ. Графиня Анна Алексѣевна очень походила на своего отца, у нея даже на лицѣ былъ тотъ же шрамъ. Она очень благоволила къ моей матери, въ особенности въ первое время ея поступленія во дворецъ; а тетушку Елизавету Сергѣевну на свадьбѣ благословила образомъ.

У Марьи Семеновны Бахметевой, урожден. княжны Львовой, дѣтей не было. Бракъ ея былъ несчастный **). Подъ старость она держала у себя маленькую обезьяну, которую называла «Варенькой». Эта Варенька была съ

---

*) Со словъ Е. С. Дѣлеръ.

**) „Архивъ С. Михайловскаго“, ч. I.

нею неразлучна, и даже визиты свои дѣлала Марья Семеновна, не разлучаясь съ обезьяной *)...

Въ деревнѣ, гдѣ она жила (Кондратьево, въ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губ.), въ послѣдніе годы ея жизни была у нея больница и особое отдѣленіе «для бѣсноватыхъ», которыми она особенно занималась, отчитывая ихъ...

Когда она скончалась, при ней были: племянница ея Екатерина Васильевна Шереметева, внуки Василиій Ивановичъ Булыгинъ и С. С. Шереметевъ **). Похоронена она въ Зосимовской пустыни, которой всегда покровительствовала, глубоко уважая основателя ея старца Зосима ***).

Дѣдъ мой Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, любилъ садиться за фортепіано и, собирая вокругъ себя дѣтей, пѣвалъ имъ любимую свою пѣсенку — «Чарочки». Она записана мною со словъ дяди Сергѣя Сергѣевича.

Чарочки по столикамъ похаживали,
Рюмочки похода приговаривали,
Пьяницы бородушки поглаживали.
Сватался за вдовушку съ Москвы дворянинъ,
Сказывалъ, высказывалъ житье-бытье свое:
Семь деревень, все съ прислочками.
Ахъ, думаю, подумаю, пойти ль мнѣ за него?
Разумомъ раскинувъ—ахъ не быть дѣлу такъ!

Чарочки по столикамъ похаживали,
Рюмочки похода приговаривали,
Пьяницы бородушку поглаживали.
Сватался за вдовушку богатый купецъ,

*) Со словъ С. С. Шереметева.

***) jd.

***) Зосимовская пустынь, Верейскаго уѣзда.

Сказывалъ, высказывалъ житье-бытье свое:
Семь кораблей—все съ товарами.
Ахъ думаю, подумаю, итти ль мнѣ за него?
Разумомъ раскинувъ—ахъ не быть дѣлу такъ!

Чарочки по столикамъ похаживали,
Рюмочки походя приговаривали,
Пьяницы бородушку поглаживали.
Сватался за вдовушку веселый скоморохъ,
Сказывалъ, высказывалъ житье-бытье свое:
Семь гудковъ со волыночками.
Ахъ думаю, подумаю итти ль мнѣ за него?
Разумомъ раскинувъ—ахъ да быть дѣлу такъ!
Сыта ли, не сыта ли, всегда я весела;
Пьяна ли, не пьяна ли, всегда я плясунья.
А вышла за ворота—„скоморохова жена“!..

Любимою поговоркою сестры его Марьи Васильевны была слѣдующая: «Мужикъ богатъ — ему добро, песь лохмать, — ему тепло, а бѣдному все свое». Она вышла замужъ за весьма крутого человѣка и большаго чудака—Ивана Θεодоровича Булыгина. У него была привычка, когда прикладывался къ образамъ, то къ тѣмъ изъ нихъ, которые по высотѣ были недоступны, онъ приставлялъ палку свою и цѣлуя одинъ конецъ ея, придерживалъ другимъ концомъ икону. Жили они недалеко отъ Михайловскаго въ сельцѣ Дороховѣ, гдѣ Марья Васильевна до того иногда приходилось круто, что она оттуда временно убѣгала въ Михайловское.

Дѣдъ мой Сергѣй Васильевичъ любилъ лошадей и верховую ѣзду. Не разъ ѣзжалъ онъ верхомъ въ Дорохово. Съ нимъ также верхомъ приѣзжалъ старый другъ его жудожникъ баронъ Отто Ивановичъ Клодтъ *) и дядя Ва-

---

*) Сохранились рисунки и картины б. Клодта

сильнй Сергѣевичъ, тогда еще лѣтъ 14-ти, на маленькой лошаdkѣ, въ сопровожденіи своего воспитателя, французскаго эмигранта Дорера *). Въ Дороховѣ жила Марья Васильевна со всѣми своими дѣтьми: сыновьями Оедоромъ, Василиемъ, Григоріемъ и Михайломъ и дочерьми Анною, Евдокією и Александрою.

Въ дѣтствѣ засталъ я еще Василю Ивановича Булыгина въ Москвѣ, въ одноэтажномъ домѣ съ садомъ въ переулкѣ; здѣсь жилъ онъ съ семьєю, тогда многочисленной. Въ нашемъ большомъ домѣ, на Воздвиженкѣ, вижу его за карточнымъ столомъ. Гораздо поздне въ Удѣльномъ домѣ, на Литейной, у Михаила Николаевича Муравьева, я встрѣчалъ дядю Василю Ивановича и его жену Александру Алексѣевну, урожден. Изъединову. Онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ былъ членомъ редакціонныхъ комиссій по положенію 19 февраля, дослужился до сенатора Кассационнаго департамента и умеръ въ 1871 году.

Въ 1861 году у меня были съ нимъ частыя и близкія сношенія, по печальному дѣлу семейному, что повторилось и въ 1869 году. Тутъ я ближе узналъ и оцѣнилъ его. Мнѣ стало понятнымъ, почему всѣ члены семьи относились къ нему съ особымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Къ нему привыкли обращаться по всѣмъ домашнимъ и дѣловымъ недоразумѣніямъ, и многимъ онъ помогъ словомъ и дѣломъ. Человѣкъ безспорно умный и просвѣщенный, съ горячимъ и пылкимъ сердцемъ, онъ соединялъ благородство мыслей съ возвышенностью чувствъ; въ направленіи своемъ самостоятельный, онъ былъ врагъ исканія популярности; но онъ глубоко сочувствовалъ движенію, связанному съ освобожденіемъ крестьянъ съ

---

*) Со словъ Александры Ивановны Булыгиной.

землею. Глубоко вѣрующій, онъ былъ истинный сынъ православной Церкви.

Когда-то, въ одномъ стихотвореніи молодости, онъ высказалъ желаніе быть похороненнымъ въ Москвѣ, на родномъ кладбищѣ Дѣвичьяго монастыря, гдѣ лежатъ его родители и чтобы на могилѣ была надпись: «Здѣсь спитъ Булыгинъ—сынъ Москвы!» Желанію его отчасти суждено было осуществиться. Онъ хотя и кончилъ свою трудовую жизнь въ чуждомъ ему Петербургѣ, по погребенъ въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Въ благодарной памяти моеи никогда не забудется дядя Василій Ивановичъ, его сочувствіе и то добро, которымъ ему обязанъ.

Это былъ труженникъ высокочестный и благородный. Это былъ цѣльный, самостоятельный характеръ. Онъ былъ, дѣйствительно, «сынъ Москвы»!..

Изъ трехъ братьевъ Булыгиныхъ, сыновей бабушки Марьи Васильевны, ее пережившихъ, Василій Ивановичъ былъ старшій. Четвертый братъ Θεодоръ былъ слегка прикосновененъ къ 14 декабря 1825 г. и рано скончался, еще молодымъ человѣкомъ. Я уже засталъ дядю Михаила Ивановича довольно дряхлымъ и отчасти опустившимся преждевременно. Жилъ онъ постоянно и почти безвыѣздно въ своей деревнѣ подъ Тулою, въ селѣ Некрасовѣ. Изрѣдка пріѣзжалъ онъ въ Москву, чтобы повидаться съ бабушкой Екатериной Васильевной или съ дядею Васиіемъ Сергѣевичемъ, съ которымъ былъ очень друженъ, и со всею семьею. На цѣлую зиму пріѣхалъ онъ въ Москву съ женою Дарьей Михайловной, урожден. Арсеньевой, когда нужно было вывозить дочь Софью Михайловну, нынѣ Евреинову, зимою 1866—1867 гг. Бывалъ я у нихъ на квартирѣ, ими занимаемой, на Молчановкѣ, въ домѣ Загряжскаго. Прини-

малъ онъ всегда радушно и ласково. Переѣздъ его куда-либо былъ цѣлымъ событіемъ. Съ нимъ направлялись птицы, попугаи, и меня поразило количество иконовъ, занимавшихъ всю стѣну и привезенныхъ имъ изъ Некрасова. Помню, какъ нашелъ я у него разрозненный томъ «Московскихъ Вѣдомостей» прошлаго столѣтія, которымъ зачитывался. Съ годами онъ становился все болѣе и болѣе домохозяиномъ. Его обременяли и озабочивали хозяйственныя нужды. У него было хорошее саратовское имѣніе *), но все какъ-то не ладилось дѣло; болѣе всего любилъ онъ и обжился въ Некрасовѣ. Здѣсь онъ наслаждался своеобразною жизнью, занимаясь исключительно чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ и житій. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ А. С. Хомякову и перенесъ эту привязанность на его старшаго сына. Въ Некрасовѣ нерѣдко посѣщала его дядя Василій Сергѣевичъ и родственные ему князья Львовы, все тульскіе помѣщики, сыновья князя Владиміра Семеновича и потому ему двоюродные братья. Въ молодости Михаилъ Ивановичъ былъ гвардейскимъ офицеромъ Павловскаго полка, былъ красивъ и не прочь покутить. Когда я засталъ его, онъ былъ уже почти старикъ, съ добрымъ, выразительнымъ взглядомъ, съ густыми черными бровями и сѣдою головой.

Говорилъ онъ протяжно, съ разстановкой. Въ церковь ходилъ постоянно; выстаивалъ продолжительныя службы и горячо молился. Его можно было оживить въ веселой рождественной средѣ; онъ не прочь былъ и побесѣдовать и пошутить за стаканомъ вина и когда бывало повеселѣтъ, то становился очень пріятель и добродушенъ. Любилъ и поддѣвать онъ:

---

*) С. Никольское, Кузнецкаго уѣзда (приданое матери Марьи Васильевны).

„Своей судьбой доволенъ я,
Берите всѣ примѣръ съ меня.
Обѣдъ, вино все такъ отлично,
Готовъ за столъ я сѣсть вторично...*)

Мы рѣдко видѣлись, но казалось всегда, что разстояніе времени для него не существуетъ. Всегда одинаково родственный и привѣтливый, онъ любилъ вспоминать прошлое, и съ нимъ было легко и хорошо. Надо было видѣть, какъ почитателенъ онъ былъ къ бабушкѣ Екатерицѣ Васильевнѣ и какъ дорожилъ вообще всѣми родственными связями.

Третій братъ, Григорій Ивановичъ Булыгинъ, былъ женатъ на Лачиновой. Это былъ человѣкъ очень пріятный, веселый и общительный; помпо его ребенкомъ. Но послѣ смерти горячо любимой жены онъ бросилъ Москву и заперся въ своемъ Зарайскомъ имѣніи — с. Печерпикахъ. У него былъ единственный сынъ Александръ, нынѣ помощникъ Московскаго Генераль-губернатора, и дочь, скончавшаяся во младенчествѣ.

Смерть дяди Михаила Ивановича была мнѣ чувствительна. Онъ умѣлъ къ себѣ привязать, но не удалось мнѣ воспользоваться радушнымъ приглашеніемъ посѣтить его въ дорогомъ ему Некрасовѣ.

Умеръ онъ праведникомъ, горько оплакиваемый всею семьею. Человѣкъ стараго покроя, пылкій, но простой и добрый, онъ былъ любимъ своими крестьянами, съ которыми жилъ общою жизнью. Въ Некрасовѣ онъ и похороненъ близъ церкви.

* * *

Владѣлецъ Покровскаго, Петръ Владиміровичъ Шереметевъ былъ женатъ на княжнѣ Татьянѣ Сергѣевнѣ

*) Со словъ С. А. Шереметева.

Голицыной. Покровское перешло от Лопухиныхъ, какъ приданое жены Θεодора Владиміровича Шереметева, умершаго гораздо ранѣе своего отца Владиміра Петровича, брата фельдмаршала. У Петра Владиміровича въ Покровскомъ былъ свой театръ и свой домашній хорошій оркестръ. Еще не такъ давно сохранялись въ Покровскомъ инструменты этого оркестра и между ними хорошій контрабасъ *). Я еще засталъ въ Покровскомъ остатки библіотеки и древнюю старушку Екатерину Петровну, которая была когда-то актрисой домашняго театра Петра Владиміровича. Она была еще очень бодрa и шутлива. Такъ, сосѣда молодого князя В. Н. Гагарина она иначе не прозывала, какъ «французскій носъ», а французское слово «ажитация» выводила отъ русскаго слова «ожидация». Она была уже слѣпа и знакомясь впервые со одною вступившею въ семью Ш. особою и привѣтствуя ее, держась за плечи, приговаривала: «Ну, и приданое хорошее!» Здѣсь же, въ Покровскомъ, положила начало музыкальному своему образованію даровитая семья Булаховыхъ. Уроженцы Покровскаго и участники оркестра, они впоследствии прославились какъ композиторы и пѣвцы. Послѣдній изъ Булаховыхъ, Петръ Ивановичъ, кончилъ жизнь свою въ Кусковѣ въ концѣ 70-хъ годовъ. Въ домашнемъ оркестрѣ Петра Владиміровича участвовалъ въ молодости и Яковъ Игнатьевичъ Соловьевъ, довѣренное лицо и другъ Василія Петровича Шереметева и всей семьи его и потомства въ четырехъ поколѣніяхъ. Сестра Якова Игнатьевича, Матрена Игнатьевна, была замужемъ за М. Булаховымъ. Возможно, что Яковъ Игнатьевичъ съ сестрою были побочными дѣтьми Петра Владиміровича.

---

*) Со словъ С. А. Шереметева.

Съ нимъ была даже на родственной ногѣ такая важная старуха, каковою была Надаржинская, тетка Надежды Николаевны Шереметевой, ур. Тютчевой, лицо близкое Аракчееву.

Какъ Яковъ Игнатьевичъ Соловьевъ, такъ и сестра его были взяты въ домъ по желанію Татьяны Сергѣевны Шереметевой, о которой вообще сохранилось не много воспоминаній. Врядъ ли она была счастлива въ супружествѣ. Она мало показывалась въ обществѣ и лишь по воскреснымъ днямъ и праздникамъ въ деревнѣ одѣвала роскошныя платья со шлейфами и носила даже брильянты*). Въ церковь она шла выходомъ, при чемъ несли ея шлейфъ, а церковь была тогда на старомъ мѣстѣ, близъ пынѣшняго дома, гдѣ теперь стоитъ часовня. Портретъ Татьяны Сергѣевны сохранился въ Покровскомъ.

На старости лѣтъ Петръ Владиміровичъ Шереметевъ, должно быть, впалъ въ дѣтство. Судя по рассказамъ тетушки Екатерины Сергѣевны, живаль онъ въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Мясницкой и сдѣлался довольно безучастнымъ; лишь лежа на окнѣ и глядя на улицу, придумаль себѣ странное занятіе: онъ плевалъ въ прохожихъ.

У Якова Игнатьевича Соловьева дочь Марья Яковлевна была въ молодости очень педурна собой, съ красивыми глазами. Я уже засталъ ее старой дѣвой, живущей безвыѣздно въ Покровскомъ, пріятной, привѣтливой, веселой, безгранично преданной семьѣ. У нея былъ братъ Алексѣй Яковлевичъ Соловьевъ, который былъ врачомъ и очень неглупымъ человѣкомъ, но, къ сожалѣнію, весьма склоннымъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Онъ также былъ свой человѣкъ въ Покровскомъ.

---

*) Со словъ Екатерины Сергѣевны Шереметевой.

Живо помню старика Якова Игнатьевича, портретъ котораго сохранился въ Покровскомъ, въ сидячемъ положеніи и опирающимся на костыль. То былъ умный и тишичный старикъ, выразившійся своеобразно и мѣтко и не лишенный остроумія. Всѣмъ членамъ семьи онъ говорилъ «ты» и, будучи управителемъ, пользовался особымъ почетомъ, довѣріемъ и уваженіемъ.

Помнится мнѣ прїѣздъ въ Покровское въ глухую осень и разговоръ съ Яковомъ Игнатьевичемъ о томъ, какой дорогой лучше ѣхать: на Мамошино, или иначе? Долго говорилъ онъ, выясняя всѣ подробности знакомаго ему пути. Онъ былъ оригиналенъ. Такъ, тетушка рассказывала *), что бывало сѣтовалъ онъ на плохое утѣшеніе молитвеннаго пожеланія покойнику быть «въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ», и частое повтореніе этихъ словъ его нѣсколько раздражало. Особенно трогательны были его отношенія къ вдовѣ Василю Петровича Шереметева, Надеждѣ Николаевнѣ.

Надежда Николаевна Шереметева родилась и все дѣтство провела въ Тютчевскомъ имѣніи въ селѣ Овстухѣ, принадлежавшемъ впоследствии О. И. Тютчеву **). Близъ Овстуха было небольшое имѣніе Алексѣя Васильевича Шереметева, доставшееся ему отъ тетки Надежды Николаевны Надаржинской.

Надежда Николаевна съ большимъ трудомъ произносила букву «р». Она сильно картавила, какъ и всѣ Тютчевы. Выражалась она своеобразно. Такъ, чтобы сказать, что она была у трехъ обѣдней, она говорила: «Я сегодня тыи обѣдни схватія!» Никогда не произносила она слово «любъ», а всегда говорила «чеіо»

---

*) Со словъ Екатерины Сергѣевны Шереметевой.

**) Брянск. у., Орл. г.

(чело). Современницы называли ее «юная Наденька», удивляясь ей молодымъ порывамъ въ самые преклонные годы. Она имѣла привычку записывать въ своемъ синодикѣ множество именъ, и ежедневно на молитвѣ она помнила всѣ эти имена. Случалось нерѣдко и въ глубокой старости садиться ей бочкомъ на дрожки стараго образца, на т. н. гитару. Въ черномъ платьѣ, съ распущенными сѣдыми волосами и опираясь на костыль, она такимъ образомъ разъѣзжала по Москвѣ. Однажды на такихъ дрожкахъ ѣхала она въ 30-хъ годахъ со своимъ внукомъ Вячеславомъ Якушкинымъ, когда внезапно сломался шкворень, и они полетѣли на мостовую. Якушкинъ повредилъ себѣ ухо, а Надежда Николаевна расшибла ногу и сбила при паденіи чашку. Все ей сходило съ рукъ. Въ другой разъ напяла она коляску въ монастырь. Опять сломался шкворень, и она ударилась лбомъ объ козлы и раскроила себѣ лобъ. Ее привезли въ нашъ Страннопріимный домъ, гдѣ она въ то время жила у дѣда Сергѣя Васильевича и долго тамъ лѣчилась *).

Софія Михайловна Шереметева, дочь Пелагеи Васильевны Муравьевой и внучка Надежды Николаевны, была очень дружна съ своимъ двоюроднымъ братомъ Вячеславомъ Якушкинымъ — сыномъ Анастасіи Васильевны, дочери Надежды Николаевны. Я помню его въ студенческомъ мундирѣ, наверху въ угловомъ Воздвиженскомъ домѣ, у Алексѣя Васильевича Шереметева. Когда они пріѣзжали изъ Покровскаго, то жилали всею семьей наверху. У Алексѣя Васильевича былъ старый слуга Ливенцовъ, который неизмѣнно подавалъ ему трубку. Алексѣй Васильевичъ почти не разставался съ

---

*) Со словъ С. С. Шереметева.

трубкой. Помню его въ послѣдніе его годы. У него были выразительные каріе глаза и цвѣтъ лица необыкновенно смуглый, какъ у азіата. Отецъ его Василій Петровичъ былъ, напротивъ того, скорѣе блѣлый, съ синими глазами. Но Алексѣй Васильевичъ походилъ на Тютчевыхъ, которые были смуглы.

У Надежды Николаевны женская прислуга всегда отличалась красотой; дѣвушки изъ дворни выбирались рослыя и видныя.

Отношенія Алексѣя Васильевича къ крестьянамъ своимъ были совершенно патріархальныя, что вполнѣ унаследовано было и его сыномъ Василиемъ Алексѣевичемъ. Крестьяне то и дѣло приходили за совѣтомъ и за помощью въ ихъ семейныхъ дѣлахъ. Однажды крестьяне встрѣчаютъ Алексѣя Васильевича и съ участіемъ спрашиваютъ его о старшей дочери, о Варварѣ Алексѣевнѣ. Она была уже взрослая, но еще не замужемъ. «Пора бы тебѣ ее пристроить», говорятъ ему крестьяне: «дочь что павозъ, то и хорошо, что со двора свезешь».

Въ 1825 году, когда начались аресты декабристовъ, и зять Надежды Николаевны Шереметевой, Иванъ Дмитриевичъ Якушкинъ уже былъ схваченъ, то, въ виду ея знакомства, переписки и связей съ другими декабристами, можно было опасаться за послѣдствія. Центромъ и сборнымъ мѣстомъ друзей было с. Покровское. Въ рѣшительную минуту Надежда Николаевна не потерялась. Она вызвала къ себѣ въ Москву изъ Покровскаго Якова Игнатьевича Соловьева. Немедленно отправила она его съ точнымъ порученіемъ въ Покровское, указала ему на комнату въ домѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ велѣла ему поднять половицу, подъ которою сохранялась секретная переписка и многія другія бумаги, и велѣла

тотчасъ же всё эти бумаги предать сожженію. Въ самое ненастное глухое время Соловьевъ отправился въ Покровское и въ точности привелъ въ исполненіе приказаніе Надежды Николаевны.

Она взяла съ него обѣщаніе — никому не говорить объ этомъ, и онъ сдержалъ его. Только незадолго до кончины, въ Покровскомъ, онъ открылъ эту тайну дѣтямъ Алексѣя Васильевича Шереметева.

Мы уже сказали, что дѣвушки, жившія у Надежды Николаевны, отличались красотой. Я еще засталъ нѣкоторыхъ, вмѣстѣ съ нянькой Аринной Ивановной, вынянчившихъ съ ранней молодости дѣтей тетушки Екатерины Сергѣевны. Помнятся мнѣ особенно двѣ такія дѣвушки: Рахиль, которую всегда звали «Гахиль» — по картавости семейнаго произношенія, и смуглая черноглазая Алёна, къ которой я, будучи шести лѣтъ, былъ неравнодушенъ. Вообще дѣти Шереметевы говорили параспѣвъ, картавили и тянули слова, что была семейная особенность. Картавили и другіе члены семьи по-Алмазовски, и по-Тютчевски. Въ домѣ Покровскомъ царила какая-то своеобразная и милая безпорядочность и случайность среди опредѣленнаго строя и склада жизни. Удивительный бывалъ здѣсь и непередаваемый русскій отпечатокъ — коренной, бытовой, наслѣдственный — отзывавшійся чѣмъ-то особенно отдаленнымъ и въ то же время роднымъ и близкимъ. Прелесть этого отпечатка не поддается передачѣ, но тѣ, кто засталъ хотя бы кончикъ этого отошедшаго строя, тѣ поймутъ и то освѣщеніе, которое передавалось здѣсь всему, со всѣми отблесками того, что можно только прочувствовать разъ въ жизни...

Смерть Н. Н. была скоропостижная, она умерла въ Москвѣ, на Воздвиженскѣ, въ 1850 году. Случайно про-

ходившая через темный коридоръ средняго этажа воздвиженскаго дома бабушка Екатерина Васильевна наткнулась на лежащую на полу Надежду Николаевну, уже безъ всякихъ признаковъ жизни.

Съ мужемъ своимъ, Василюмъ Петровичемъ, жила она чрезвычайно счастливо, но очень недолго. Онъ былъ когда-то морякомъ, много путешествовалъ и былъ образованъ. Дорожа своимъ Покровскимъ, онъ поселился въ немъ и жилъ тамъ съ Надеждой Николаевной. Счастливая ихъ жизнь прекратилась разомъ, роковымъ ударомъ. Надежда Николаевна куда-то выѣхала изъ Покровскаго, чуть ли не для того, чтобы навѣстить тетку Надаржинскую. Въ ея отсутствіе Василій Петровичъ отправился на тройкѣ въ сосѣдній михайловскій лѣсъ. Возвращаясь оттуда и уже вѣзжая въ Покровское, на спускѣ со горы, тройка подхватила, разнесла экипажъ и убила его на мѣстѣ. Его довели въ Покровское уже безъ признаковъ жизни. Дали знать Надеждѣ Николаевнѣ, она прискакала, какъ безумная, увидѣла ужасную дѣйствительность, и сама была на краю гибели.

Въ это время въ отношеніяхъ между Шереметевыми-Покровскими и Шереметевыми-Михайловскими и Волочановскими не было позднѣйшей близости, изъ-за раздѣла со временъ извѣстной тяжбы братьевъ Владимировичей въ концѣ XVIII-го вѣка, долго не прерывавшейся и впоследствии, къ выгодѣ тѣхъ, кто пользовался подобными семейными пререканіями.

Конечно, прискорбное событіе, подобное тому, что произошло въ Покровскомъ, не могло не отразиться примирительно. Отсюда начало сближенія Надежды Николаевны съ Екатериною Васильевною Шереметевою, сближеніе перешедшее въ пламенную, глубокую, много-

лѣтнюю дружбу. Эта дружба, конечно, подготовила и дальнѣйшее сближеніе, закончившееся бракомъ единственнаго сына Надежды Николаевны, Алексѣя Васильевича, съ его троюродною сестрою, дочерью Сергѣя Васильевича, Екатериною Сергѣевною.

Характера Надежда Николаевна была страстнаго и необузданнаго. Тютчевская кровь въ ней сказалась. Умна, живая, съ неукротимыми порывами, ревнивая и притомъ горячаго, пламеннаго сердца, но властная и не любящая преградъ, она, къ счастью, восприняла нравственное воздѣйствіе Екатерины Васильевны и начала борьбу съ собою, ради собственнаго обузданія, ради подвига самоусовершенствованія. Не легко давалась ей эта борьба; иной разъ въ страстномъ порывѣ, она падала навзничь и въ корчахъ, бурно выражая свое неудовольствіе или огорченіе; но мало-по-малу, силою кротости, любви и чувствомъ долга, Екатерина Васильевна брала верхъ смиреніемъ и любовью; пламенная душа ея подружки стихала въ чувствѣ благодарности и твердой вѣры. Съ годами дружба ихъ, видоизмѣняясь, становилась все крупче и плодотворнѣе; она отразилась добрымъ вліяніемъ и на слѣдующія поколѣнія семьи.

Вообще, Надежда Николаевна была личность въ высшей степени привлекательная и интересная. Стоя во главѣ семьи, хозяйка Покровскаго, окруженная своими дѣтьми, она сдѣлалась средоточіемъ многосложныхъ сношеній, имѣвшихъ частыя и ближайшія соприкосновенія съ извѣстнымъ движеніемъ, закончившимся 14 декабря 1825 года...

Надежда Николаевна вела неутомимую переписку, такъ же какъ и Варвара Петровна и Екатерина Васильевна; въ тѣ времена это не было рѣдкостью. Наше

телефонное время отучило писать, и прелесть переписки далеко не всёю теперь доступна.

Тёмъ драгоцѣннѣе эти письма минувшихъ лѣтъ и тёмъ желательнѣе ихъ оглашеніе, для лучшей характеристики и общества и семьи. Пусть выступаютъ вновь дорогія намъ лица минувшаго, и пусть долетитъ ихъ загробный голосъ въ поколѣнія грядущія.

У Надежды Николаевны было трое дѣтей: единственный сынъ Алексѣй Васильевичъ и двѣ дочери, Пелагея и Анастасія, вышедшія замужъ за М. Н. Муравьева и И. Д. Якушкина. Обѣ дочери были выданы замужъ чрезвычайно рано, но Надежда Николаевна была настолько своеобразна, что прежде всего сама плѣнялась своими будущими зятями, ихъ умомъ и привлекательностью и намѣчала ихъ себѣ въ зятя, нисколько не нуждаясь въ согласіи дочерей. Въ Покровскомъ сохранились портреты Муравьевыхъ: М. Н. женихомъ и въ архалукѣ, а И. Д. Якушкина уже послѣ ссылки (тамъ же и портретъ декабриста Пуципа). Верстахъ въ 25-ти отъ Покровскаго находилось извѣстное муравьевское имѣніе село Осташево, гдѣ было знаменитое училище колонновожатыхъ, основанное Н. Н. Муравьевымъ, въ которомъ сынъ его Михаилъ былъ преподавателемъ математики. Въ числѣ колонновожатыхъ были: В. П. Горчаковъ (пріятель Пушкина), князь Эсперъ Бѣлосельскій и баронъ Ливень, внослѣдствіи одинъ изъ лучшихъ людей царствованія Александра II; въ числѣ колонновожатыхъ былъ также и А. В. Шереметевъ, у котораго нѣкогда воспитателемъ былъ Ранчъ, братъ митрополита кievскаго Филарета. Молодые свои годы Алексѣй Васильевичъ служилъ въ военной службѣ артиллеристомъ, а позднѣе состоялъ при графѣ П. А. Толстомъ. Онъ, конечно, былъ въ курсѣ многоаго, что затѣвалось

въ то время, хотя и держалъ себя осторожно въ сторонѣ, но когда онъ узналъ, что для любимой сестры его Анастасіи Васильевны намѣченъ матерью И. Д. Якушкинъ, то онъ, зная, насколько онъ былъ замѣшанъ, всячески старался отговорить Надежду Николаевну отъ этого брака. Самъ онъ при жизни матери вполне ей подчинился, хотя и былъ характера независимаго. Тетюшка Екатерина Сергѣевна рассказывала, что ей въ началѣ замужества довольно трудно было привыкать къ Покровскому и къ складу свободныхъ разговоровъ, пересудовъ и правительственныхъ порицаній; имъ тѣмъ подобнаго не допускалось въ родительскомъ домѣ. Тамъ, наоборотъ, обо всѣхъ говорили сдержанно и почтительно. Тамъ, въ Михайловскомъ, рассказывала Екатерина Сергѣевна, еще будучи молодой дѣвушкой, видѣла она появившагося на нѣсколько дней небольшого ростомъ, но довольно красиваго офицера, имя котораго было Шервудъ...

Алексѣй Васильевичъ былъ въ молодости очень выносливъ и тѣмъ былъ извѣстенъ не менѣе другого современника—костромскаго (чухломскаго) помѣщика Черевина, извѣстная репутація котораго уже прочно установилась, не менѣе таковой же Алексѣя Васильевича. Они понаслышкѣ знали другъ друга, но долго не встрѣчались. Однажды гдѣ-то случилось имъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ завтракать: каждый изъ нихъ палегъ на напитки, и на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга они, молча, словно соперничали, кто сильнѣй. Повидимому, впечатлѣніе было произведено обоюдное, и когда они пришли къ сознанию въ равенствѣ силъ, послѣ долгаго взаимнаго изученія, Алексѣй Васильевичъ первый, обращаясь къ собутыльнику, произнесъ: «Черевинъ!» Тотъ немедленно отвѣтилъ: «Шереметевъ!» и

точасъ же пожали другъ другу руки. Съ этого дня они стали друзьями.

Та же дружба связывала и сыновей ихъ, одновременно служившихъ въ кавалергардскомъ полку: Василю Алексѣевича Шереметева и Петра Александровича Черевина. Фѣдоръ Ивановичъ Тютчевъ воспиталъ Алексѣя Васильевича, при чемъ называлъ его: «мой братъ по крови и по лѣни». Безмятежное счастье супружеской жизни А. В. закончилось его кончиною, но онъ имѣлъ еще утѣшеніе выдать замужъ старшую свою дочь за сочувственнаго ему графа В. И. Мушинъ-Пушкина. Лишь по кончинѣ своей матери вступилъ онъ въ права хозяина и счастливѣйшіе годы своей жизни провелъ въ Покровскомъ.

Постройка нынѣшняго дома въ Покровскомъ, на мѣстѣ стараго дома Петра Владиміровича, была начата еще при жизни Надежды Николаевны и послѣдовательно озабочивала Алексѣя Васильевича. Постройка длилась долго, болѣе 20 лѣтъ, а тѣмъ временемъ они жили въ деревянномъ домѣ, построенномъ покоемъ и подъ соломенною крышею, видъ котораго донинѣ сохранился въ Покровскомъ. Здѣсь были прожиты лучшіе годы, здѣсь у нихъ родились многія изъ дѣтей, а семья была большая, 11 человекъ. Здѣсь жили просто, гостеприимно, по-старинѣ. Всѣ пріѣзжавшіе въ Покровское, многочисленное родство и друзья, ископи чувствовали себя, какъ дома, и выносили отрадное впечатлѣніе. Особо сильно отразилось оно на моей матери, когда она случайно выбралась изъ шумнаго, свѣтскаго и роскошнаго Петербурга и не могла прійти въ себя отъ счастья дышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ и жить на свободѣ, подъ этою теплою, успокоительною и родною «соломенною» крышею.

Я засталъ шестидесятые годы гостепримнаго Покровскаго, но старшее поколѣніе семьи все полно было впечатлѣній и воспоминаній привольной и дружной семейной жизни въ этой пасиженной и всѣмъ дорогой усадьбѣ. Лишь передъ смертію Алексѣй Васильевичъ переѣхалъ во вновь построенный и нынѣ существующій каменный домъ, къ которому вполне примѣнны извѣстные слова Пушкина:

„Почтенный замокъ былъ построень,
Какъ замки строятся должны,
Отмѣнно проченъ и покосенъ,
Во вкусѣ умной старины“.

Живя въ кругу, столь прикосновенномъ къ декабристамъ, ученикъ Ранча и колонновожатый, А. В. Шереметевъ, конечно, не могъ быть чуждымъ литературѣ, тѣмъ болѣе, что Надежда Николаевна вела обширную переписку съ Жуковскимъ, съ Елагиными, съ Граббе, съ Филаретомъ Гумилевскимъ, съ протоіереемъ Мысловскимъ, съ Гоголемъ, А. Н. Муравьевымъ и многими другими. Пушкинъ лично зналъ А. В. и ему посвятилъ нѣсколько стиховъ въ своей поэмѣ «Братья-разбойники». Тамъ, въ числѣ собравшихся, упоминается:

„И съ лѣнью праздною
Вездѣ кочующій цыганъ“.

По свидѣтельству графини Варвары Алексѣевны Мушинъ-Пушкиной, эти слова относятся къ Алексѣю Васильевичу. Въ дѣйствительности, эта лѣнивая черта проходила черезъ всю его жизнь и служила нѣкоторымъ тормазомъ, задерживая ту дѣятельность, къ которой онъ былъ бы способенъ по несомпѣнному уму, тщательной подготовкѣ, житейской опытности, при глубокомъ религіозномъ чувствѣ и добрѣйшемъ сердцѣ. Его портретъ,

работы Винтергалтера, а равно и свѣтописи того времени поразительнаго сходства. Вижу его смуглое, чисто-цыганское лицо, съ выразительными карими глазами, нѣсколько согбеннаго и всегда въ клубкахъ табачнаго дыма. Мнѣ не помнится онъ веселымъ и смѣющимся, а всегда съ отгѣпкомъ озабоченности и грусти. Но знавшіе его и помнившіе старшіе въ семьѣ ему сочувствовали и были глубоко къ нему привязаны, цѣня въ немъ разнообразіе дарованій и своеобразный складъ характера. На него, дѣйствительно, находили иногда минуты унытія и преувеличенная озабоченность, но безмятежное счастье семейной жизни, при полномъ единствѣ и неизмѣнной дружбѣ всѣхъ членовъ семьи, всегда поддерживало его на житейскомъ сложномъ пути.

При всей радости о совершившемся бракѣ Алексѣя Васильевича съ Екатериною Сергѣевной, при всемъ сочувствіи къ послѣдней Надежды Николаевны, не легко было ей въ первые годы супружества примѣняться къ покровскому складу жизни и мыслей. Кипучая ревность Надежды Николаевны къ единственному и горячо любимому сыну невольно осложняла отношенія. Такъ, въ досадѣ на все возрастающее вліяніе, которое молодая и красивая жена имѣла на пламенно-любившаго ее мужа, Надежда Николаевна нерѣдко приговаривала: «Ночная кукушка всегда перекукуетъ!» Гораздо труднѣе были отношенія Екатерины Сергѣевны къ сестрѣ мужа—Анастасіи Васильевнѣ. Это былъ баловень семьи: порывистая, неровная, красивая, по красоты безпокойной, остроумная, насмѣшливая, полная противорѣчій, всегда любящая кружить головы, наслаждаясь успѣхомъ и нерѣдко смѣясь надъ своими жертвами, Анастасія Васильевна съ своими лучистыми, загадочными глазами плѣняла и сбивала и смущала всякаго. По отношенію

къ ней не чуждъ былъ нѣкоторому увлеченію и молодой ректоръ московской духовной академіи, будущій историкъ церкви, мягкосердечный и впечатлительный Филаретъ Гумилевскій. Анастасія Васильевна съ мѣста приняла Екатерину Сергѣевну нѣсколько ревниво. Къ тому же и по красотѣ съ нею соперничая, Анастасія Васильевна не могла не подмѣтить и той прелести простоты, которая отражалась во всемъ существѣ Екатерины Сергѣевны, лицо которой охотно сравнивали съ ликомъ Мадонны...

Иныя отношенія установились у Екатерины Сергѣевны съ другою своею золовкой, Пелагеею Васильевною Муравьевой и они не измѣнялись до конца. Сильнымъ умомъ своимъ Пелагея Васильевна отдавала справедливость Екатеринѣ Сергѣевнѣ за дарованное ею счастье любимаго брата. Подъ вліяніемъ ли мужа, или благодаря собственнымъ задаткамъ, она рано закалилась характеромъ и, не безъ сильной борьбы осиливъ себя, умѣла примѣняться къ жизни и къ ея условіямъ. Небольшого роста, съ высокимъ прямымъ лбомъ, съ необыкновенно правильными чертами лица и съ холоднымъ блескомъ голубыхъ глазъ, она сдерживала, по возможности, себя и выработала характеръ.

Пока живъ былъ Алексѣй Васильевичъ, Екатерина Сергѣевна безвыѣздно жила въ Покровскомъ, старшая же дочь ихъ Варвара Алексѣевна послѣ замужества уѣхала въ Парижъ, откуда вернулась уже «въ траурѣ» по глубоко любимомъ отцѣ. Сохранился портретъ ея этого времени, въ черномъ платьѣ. Въ Парижѣ извѣстный художникъ Винтергалтеръ сдѣлалъ два прекрасныхъ ея портрета. Въ то время она была во всемъ блескѣ красоты: стройная, высокаго роста, съ правильными, точно выточенными чертами лица, съ

тонкимъ и нѣсколько согбеннымъ носомъ и большими открытыми карими глазами. Въ ней было необыкновенное соединеніе блестящаго ума, при пламенномъ сердечномъ порывѣ, и большого свѣтскаго, какъ бы международнаго, навыка, на чисто-русской, бытовой, деревенской основѣ. И это необычное сочетаніе въ женщинѣ свѣтской и общественной придавало ей совершенно особый, своеобразный, привлекательный отпечатокъ. Своими приемами, обращеніемъ, находчивостью и умѣніемъ вести разговоръ, самый разнообразный, живой и подкупающій, она олицетворяла собою хозяекъ давно прошедшихъ десятилѣтій, которыя такъ умѣли создавать у себя дома очагъ многообразныхъ отношеній, притягательныхъ сочетаній, живущихъ многосторонними интересами современности въ такихъ опредѣленныхъ по значенію своему центрахъ общежитія, которые французы опредѣлили словомъ «салонъ».

Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, много выдавшій на своемъ вѣку, говаривалъ не разъ, что онъ, по блеску разговора и по умѣнію принимать, рѣдко встрѣчалъ подобныхъ и сравнивалъ ее съ извѣстною госпожею Калерджи (Calerdji). Она была образованнѣе многихъ своихъ современницъ, а свѣтскій «европеизмъ» ея нисколько не умалялъ ни бытового ея православія, ни крѣпкихъ ея историческихъ и литературныхъ основъ, ни пламенной любви къ родинѣ! Характера нѣсколько труднаго и взыскательнаго, нѣсколько повелительнаго и перовнаго, Варвара Алексѣевна выкупала эти недостатки искренности пламеннаго чувства, сердечными порывами и высокимъ христіанскимъ чувствомъ. Въ семьѣ она была баловнемъ и любимицей, и голосъ ея нѣсколько возвышался надъ прочими. Съ молодыхъ лѣтъ она особенно дружна была съ княжной Варварой Николаевной Щер-

батовой (будущей графиней Гудовичъ) и съ двоюродною сестрою своею Софьею Михайловною Муравьевой. Послѣдняя жила съ своими родителями въ Петербургѣ. Многообразное служебное поприще Михаила Николаевича Муравьева привело его наконецъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ и къ Главному Управленію по межевой части. Это тройное сочетаніе когда-то привело Герцена къ свойственной ему злобной и хлесткой клеветѣ въ видѣ прозвища, даннаго имъ Муравьеву «трехпрогонный» и заключающаго въ себѣ прозрачный намекъ собственнаго досужаго измышленія. Озлобленный жизнію, происхожденіемъ и неудачами непомѣрнаго честолюбія своего, блестяще одаренный и съ задатками добра, случайный свидѣтель съ дѣтства неприглядной, хотя и односторонней картины современнаго ему быта, несчастный человѣкъ, всю жизнь свою тосковавшій по утраченной и любимой родицѣ, онъ захлебнулся и погибъ.

Муравьевы переселились въ 1858 г. на Литейную, въ домъ Департамента Удѣловъ, столь памятный и близкій мнѣ съ того времеш. Дружба Михаила Николаевича и жены его съ Шереметевыми-Покровскаго, какъ и чувства, сближающія съ послѣднимъ, были неизмѣнны.

Послѣ кончины Алексѣя Васильевича Шереметева они убѣдили тетюшку на зиму переѣхать съ семьею въ Петербургъ, при чемъ высказали самыя попечительныя заботы о многочисленной семьѣ, оставшейся послѣ Алексѣя Васильевича.

Старшіе сыновья его уже были на службѣ: Василій Алексѣевичъ въ кавалергардскомъ полку, а Сергій Алексѣевичъ, начавъ службу въ гусарскомъ Нарвскомъ полку, уже перешелъ на Кавказъ, гдѣ, заслуживъ георгиевскій крестъ, замѣтно выдвинулся, какъ боевой мно-

го общающей офицеръ и человекъ тонкаго, многосторонняго ума. Тогда въ Петербургъ переѣхали и меньшія дѣти: вторая дочь, Софья Алексѣевна, тогда пятнадцатилѣтняя, едва выходявшая изъ подростковъ, третій сынъ, Петръ Алексѣевичъ, красивый и привлекательный, съ большими задатками, былъ помѣщенъ въ Александровскій лицей, а меньшей сынъ, Владиміръ Алексѣевичъ, баловень семьи, а потому не знавшій удержу шалостямъ своимъ, удивительно подвижной и слишкомъ рано развившійся, былъ помѣщенъ въ Пажескій корпусъ. Первый опытъ сей вскорѣ оказался неудачнымъ, и съ того времени тѣлѣга жизни его направилась удивительными скачками, по косогорамъ и оврагамъ житейскимъ, преждевременно сломившимъ недюжинную натуру и доброе сердце лихого кавалериста и псоваго охотника, изъ котораго при иныхъ условіяхъ могъ бы сложиться блестящій партизанъ.

Съ ними переѣхала тогда же и меньшая дочь Анна Алексѣевна, совѣтъ еще подростокъ, въ коротенькомъ платьѣ, смуглолицая и молчаливая... Незамѣтнымъ образомъ въ Удѣльномъ домѣ на Литейной водворился и возобновился для меня отчасти давно утраченный семейный бытъ дѣтскихъ годовъ Воздвиженки. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, своимъ неизмѣннымъ добродушіемъ и подкупающею патріархальностью, всѣхъ объединяя, придавалъ семейнымъ сборищамъ у себя особый, понятный для переживаемаго времени и ради личнаго положенія своего, интересъ. Меня привлекало въ этотъ домъ двойнымъ теченіемъ: семейнымъ и общественнымъ. Здѣсь показывались многія лица, знакомые, пріятель, либо подчиненные Муравьева, будущія разнообразныя знаменитости и дѣятель шестидесятыхъ годовъ. Пытливо всматривался я въ эти лица, стараясь прислу-

паться къ ихъ разговору. Недюжинная то была среда и не мелкіе интересы занимали ихъ, а самое разнообразіе характеровъ и типовъ, взглядовъ и направленій, все придавало этимъ сборищамъ особое притягательное оживленіе. Уже и тогда чувствовался нѣкоторый разладъ во взглядахъ, а сокровенныя свойства людей уже начинали всплывать наружу. Тогда особенно бросался въ глаза одинъ странный, типичный представитель своего времени, высокаго роста и выразительный, съ своею важною походкой и медлительною обдуманностью рѣчи. Въ постоянныхъ заботахъ о самообладаніи и о равновѣсіи своего и безъ того холоднаго, словно разграфленнаго разсудка, своего удушливаго, безошаднаго анализа, величавый по наружности, съ гармоническими басовыми звуками голоса и нѣсколько рисующійся бюрократъ, онъ прикидывался тогда исполнителемъ, всегда готовымъ къ услугамъ разнообразныхъ властей и вдохновителей обоого пола. То былъ Петръ Александровичъ Валувевъ.

Время это, столь для меня памятное, вскорѣ оживилось счастливымъ семейнымъ событіемъ. Когда Софья Алексѣевна Шереметева едва минуло 16 лѣтъ, она сдѣлалась невѣстою графа Алексѣя Васильевича Бобринскаго. Съ этимъ временемъ связано для меня много свѣтлыхъ воспоминаній (пятнадцатилѣтнихъ).

Радость была всеобщая въ семьѣ; тогда впервые увидалъ я графа Алексѣя Васильевича Бобринскаго, ежедневно посѣщавшаго Муравьевыхъ. Въ то время еще довольно худощавый, съ коротко остриженными бакенбардами, онъ нѣсколько напоминалъ англичанина, но очень скоро всѣмъ намъ понравился своею простотою, добродушіемъ и привѣтливостью. Невѣста его уже тогда была красоты поразительной, казалась полуробен-

комъ беззаботнымъ, веселымъ, не стѣсняющимся положеніемъ невѣсты, чѣмъ казалась еще прелестнѣе, приводя въ восхищеніе всѣхъ окружающихъ. Тогда появилось и родство жениха, во главѣ съ его матерью, величавою, но глубоко - сердечною и истинно - благородною графинею Софьею Прокофьевною, урожденною Соковниной. Съ нею пріѣхала въ Петербургъ и взрослая дочь ея графиня Софья Васильевна. Когда состоялась свадьба Софьи Алексѣевны, молодые поселились въ нанятой ими на Моховой квартирѣ въ бельэтажѣ дома Сафонова, и до нынѣ сохранившагося въ прежнемъ видѣ. Совершенно странно, почему я не попалъ на ихъ свадьбу, и еще страннѣе, почему я на слѣдующее утро, въ 11-мъ часу, объявился къ молодымъ! Софья Алексѣевна, конечно, еще спала, но, крайне благовоспитанный, Алексѣй Васильевичъ напелъ нужнымъ меня принять и, какъ теперь помню, — выпелъ нѣсколько удивленный ко мнѣ въ сѣромъ халатѣ. Семейная радость весьма скоро обратилась въ сильную тревогу: Софья Алексѣевна внезапно заболѣла тифомъ и была въ опасности, послѣ чего началось медленное выздоровленіе. Въ это время, почти ежедневно, собирались у нихъ въ гостиной, гдѣ уже принимала графиня Софья Прокофьевна, радушная и привѣтливая, а чай разливала графиня Софья Васильевна. Въ гостиной находилось фортепiano, такъ какъ Софья Прокофьевна когда-то пѣвала и очень любила музыку. Современница моей матери (къ которой даже собиралась въ Кусково, незадолго до ея кончины), она брала уроки пѣнія у одной съ нею учительницы, итальянки мадамъ Тегиль (madame Teguil). А гдѣ любили музыку и занимались ею, тамъ, конечно, появлялся всего чаще Борисъ Сергѣевичъ. Не зная нотъ, онъ «музицировалъ» и «фантазировалъ» на

фортеціано, съ несомнѣннымъ природнымъ дарованіемъ, а графиня Софья Прокофьевна наслаждалась и любезничала съ нимъ, отъ души ему сочувствуя. При этомъ находилась и дочь ея гр. Софья Васильевна, вскорѣ и неожиданно для семьи вышедшая замужъ за графа Келлера.

При гр. С. П. жила въ качествѣ ближайшаго друга и неразлучно Любовь Васильевна Васильева; по крови она происхожденія Соковнинскаго; представителемъ послѣднихъ оставался до конца 60-хъ годовъ старикъ Сергѣй Ѳеодоровичъ Соковнинъ.

Родной дядя графини Софьи Прокофьевны, онъ былъ ей вмѣсто отца—и въ Соковнинскомъ старомъ домѣ своей племянницы на Малой Никитской въ Москвѣ—властвовалъ нераздѣльно. Я засталъ этого старика — въ рыжеватомъ парикѣ, съ сѣдыми бакенбардами и въ старомодномъ высокомъ галстукѣ, чуть ли не съ 12 года прекратившаго всякія связи и свѣтскія отношенія, не признававшего никакихъ новшествъ, никакихъ перемѣнъ. Занятый исключительно сбереженіемъ своего значительнаго состоянія и послѣдовательнымъ, кропотливымъ собираніемъ драгоценнаго стариннаго серебра, онъ проникалъ къ различнымъ старьевщикамъ утраченнаго нынѣ типа, къ скопцамъ и мѣщаламъ серебряныхъ рядовъ, художественно выторговывая цѣнные предметы съ искусствомъ тонкаго знатока. Въ кладовыхъ его сохранялись цѣнные кубки и братины вмѣстѣ съ иконами древняго благочестія въ кіотахъ и по комнатамъ, большею частію унаслѣдованныхъ отъ Соковнинныхъ XVII-го вѣка.

На свою племянницу графиню Софью Прокофьевну онъ смотрѣлъ какъ на «вещь», ему принадлежащую, и любилъ ее по-своему. Легко себѣ представить, что

произошло, когда эта племянница вышла замужъ за внука Екатерины, великана ростомъ и человѣка Орловской необузданной силы, къ тому же безпредѣльно горячаго, графа Василій Алексѣевича Бобринскаго! Столкновение двухъ властолюбій было неизбѣжно; достаточно одного примѣра: Соковнинъ требовалъ, чтобы когда новобрачные ложились спать, то онъ бы ежедневно къ нимъ появлялся для того, чтобы свою племянницу въ постели благословить. Легко себѣ представить, до какого каленія доходилъ графъ Бобринской! — Полный разрывъ былъ необходимымъ послѣдствіемъ Соковнинскаго самодурства, а бѣдная графиня, любя и мужа и дядю и очутившись между двумя самодурами высшей пробы, должна была выбрать между мужемъ и дядею: она выбрала послѣдняго.

Полный разрывъ продолжался до конца. Графъ Василій Алексѣевичъ поселился въ Бобрикахъ, или же жилъ въ Москвѣ на Зацѣпѣ.

Только когда скончалась графиня Софья Алексѣевна, весной 1871 года, — графъ Василій Алексѣевичъ вдругъ появился въ передней Соковнинскаго дома въ огромной шубѣ и довольно беспорядочно одѣтый. Онъ выразилъ искренное сочувствіе горю сына, всегда къ нему почтительнаго и корректнаго, точно такъ же, какъ и по отношенію къ матери.

Только однажды случайно встрѣтила Софья Прокофьевна своего мужа на какой-то церемоніи. «*Bonjour Basile*», — сказала она ему.

«*Passez, madame!*» былъ его отвѣтъ.

Это былъ человѣкъ огромнаго роста и исполинской силы. Странности его были значительны. Такъ, внука своего Алексѣя Алексѣевича называлъ онъ не иначе какъ «*Monsieur le comte*».

По смерти жены онъ женился на Ушаковой, которая и погребена съ нимъ рядомъ въ Бобрिकाхъ, вмѣстѣ съ первою его женою, ур. княжною Горчаковою, съ которою жилъ очень недолго, но былъ счастливъ.

До чего доходили странности гр. Василя Алексѣевича, видно изъ разсказа самой графини Софьи Прокофьевны, которая, прѣхавъ послѣ свадьбы въ Бобрйки, была поражена при вхдѣ комнаты, въ которой лежало въ гробу набальзамированное тѣло первой жены его, ур. гр. Горчаковой — все еще не погребенной!.. Понятно тяжелое впечатлѣніе молодой при этой неожиданности *).

Софья Прокофьевна вела обширную и постоянную переписку съ своею двоюродною сестрою по мужу графинею Бобринскою, урожденной Самойловой, столь близкой къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ. Переписка эта драгоцѣнна.

Любовь Васильевна Васильева не разлучалась съ Софьей Прокофьевной до конца ея жизни. По смерти Алексѣя Васильевича, къ ней перешелъ старинный крестъ Соковниныхъ, который, согласно ея желанію, вмѣстѣ съ нею будетъ опущенъ въ могилу**).

Сергѣй Теодоровичъ скончался гораздо ранѣе своей племянницы. Помню то впечатлѣніе, которое производило прѣздъ его въ домъ. Прислуга бросилась доложить графинѣ, что на дворъ вѣхала карета Соковнина. Всѣ бросились къ нему навстрѣчу на лѣстницу, по которой онъ медленно поднимался. Его усаживали въ креслахъ и окружали, а онъ изрекалъ, какъ божество, и сидѣлъ долго.

---

*) Со словъ Л. В. Васильевой.

**) Архивъ Соковниныхъ состоитъ изъ значительнаго количества столбцовъ и грамотъ, бережно хранимыхъ гр. А. А. Бобринскимъ.

По пословицѣ «Какое пошѣ, такое приходѣ», у Соковнина былъ вѣрный, испытанный слуга, нѣкій Иванъ Ефремовичъ, также въ накладкѣ и въ подстриженныхъ бакенбардахъ. Это былъ его фактотумъ и прежде всего казначей. По смерти его, вѣрный старикъ, онъ остался въ домѣ Бобринскихъ.

Другимъ домашнимъ типомъ былъ majordome графини Софьи Прокофьевны — Меодій Левлевичъ, тоже лицо Соковнинскаго типа; даже чертами онъ слегка напоминалъ Сергѣя Федоровича въ молодости, судя по его портрету. Онъ пользовался особымъ довѣріемъ графа Алексѣя Васильевича и значеніемъ въ домѣ.

Уже прежде упомянулъ я о квартирѣ Пушкиныхъ въ домѣ Лопыревскаго. Жили они тамъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ одномъ этажѣ и рядомъ съ дядею Василиемъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ. Крѣпкая дружба сближала ихъ, и бывали случаи, когда двери, раздѣлявшія обѣ квартиры, отворялись и вмѣщалось тогда значительное семейное сборище. Воспоминаніе объ этихъ дняхъ во мнѣ особенно живо. Отрадно вспомнить это прошлое, сочувственный кругъ лицъ, пылѣ давно отошедшихъ, откровенные разговоры, разнообразныя интересы, множество живыхъ и далеко не безцвѣтныхъ лицъ, представителей старой Москвы, и притомъ обстановка, столь мнѣ знакомая, дорогая, изящная, уютная и родная и на столько различная отъ всего, что мы видимъ теперь; нашему выродившемуся «декадентскому» обществу ее и не понять; а между тѣмъ эта старая Москва была живымъ отголоскомъ той старѣйшей еще Москвы, значеніе которой такъ сочувственно и тонко опредѣлилъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій въ своихъ Московскихъ воспоминаніяхъ.

Увы! современное общество Москвы мало служить отголоскомъ недавняго прошлаго. На немъ слишкомъ отразилось новое нашествіе двенадцати языкъ... интеллигентное купечество современнаго пошиба еще ожидаетъ своего Островскаго.

Однажды въ домѣ Лопыревскаго соединилось многочисленное общество, и при раскрытыхъ дверяхъ двухъ смежныхъ помѣщеній всѣ собрались для слушанія цыганскаго хора. Среди этого общества было не мало почтенныхъ старушекъ, и едва ли не старшая между ними была княгиня Екатерина Дмитріевна Долгорукая, дочь столь извѣстнаго Москвѣ князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Старушка необыкновенно оживилась при пѣніи хора и потребовала, чтобы въ отдѣльности ей спѣли «Крамбамбули»!.. Этотъ вечеръ устроенъ былъ сообща графинею Варварою Алексѣвною и Василиемъ Сергѣевичемъ. Въ Пушкинской квартирѣ, въ домѣ Лопыревскаго, мнѣ особенно памятенъ небольшой кабинетъ графа Владиміра Ивановича, съ двумя окнами на дворъ. Здѣсь вмѣщалась давно знакомая мнѣ мебель: письменный столъ, оттоманка, покойное кресло, несгораемый шкафъ; на почетномъ мѣстѣ висѣлъ на стѣнѣ большой масляный портретъ графини Варвары Алексѣвны, работы Винтергальтера, а у письменнаго стола, на треножникѣ, стоялъ другой портретъ ея, небольшой акварельный, того же художника. Оба портрета прекрасной работы и похожіе, но первый изображалъ ее въ пышномъ бальномъ платьѣ, а второй въ обыденномъ, болѣе скромномъ. Былъ тогда у Пушкиныхъ буфетчикъ, нѣкій Ростиславъ, большой оригиналь и любитель картинъ. Онъ сравнивалъ эти два портрета и говорилъ по поводу сходства ихъ съ оригиналомъ: «Вотъ эта»—говорилъ онъ, указывая на большой порт-

реть, висѣвшій на стѣнѣ—«превыспренняя небесь!», а «вотъ эта» (показывая на портретъ у письменнаго стола)—«земная»... Рядомъ съ этимъ кабинетомъ была уборная Владиміра Ивановича, въ которой сохранялся его палашь, чуть ли не подаренный ему въ полку однимъ изъ товарищей *). На клинкѣ была надпись: «Бду, ѣду не свищу, а наѣду не спущу».

Въ этомъ кабинетѣ мнѣ особенно памятенъ графъ Василій Васильевичъ Гудовичъ, оживленно рассказывающій о дорогомъ ему Черниговскомъ имѣніи — Швайтенкахъ.

Въ 1871 году нанесенъ былъ первый ударъ дружному сожителству въ домѣ Лопыревскаго: тогда скончался дядя Василій Сергѣевичъ Шереметевъ, но Пушкины еще продолжали жить на своей квартирѣ; тогда же заботы о сосѣднемъ доходномъ домѣ на Страстномъ бульварѣ, купленномъ Владиміромъ Ивановичемъ, одолѣли его настолько, что трудно было ему справиться съ хозяйственными нуждами. Они покинули свою насиженную квартиру и домъ свой продали кн. К. А. Горчакову. Тогда графъ Владиміръ Ивановичъ поступилъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, а Варвара Алексѣевна уединенно поселилась въ Покровскомъ. Пребывая здѣсь даже и зимою, (что ей было не легко при ея вкусахъ и стремленіяхъ), — она додумалась до покупки смежнаго съ Покровскимъ имѣнія «Мары» и настолько придавала значеніе этой покупкѣ, ради сына, что, несмотря на трудности, купила «Мары». Вижу я ея обстановку въ двухъ угловыхъ комнатахъ верхняго этажа Покровскаго дома. Здѣсь собрано было ею все, что она могла вмѣстить

---

*) Кажется, Вас. Ал. Шереметевымъ.

въ небольшомъ помѣщеніи. Вся знакомая ея городская мебель, въ уменьшенномъ видѣ, водворилась въ Покровскомъ. Изъ четырехъ оконъ двухъ ея комнатъ видъ прямо на Озерну, на противоположномъ берегу которой видѣлись «Мары» съ своимъ заливымъ лугомъ. Помню, какъ, стоя у одного изъ этихъ оконъ, она говорила со мною о «Марахъ», мечтая о будущемъ, по уже не для себя — и тѣмъ оправдывая свои дѣйствія, вызванныя чувствомъ преемственнаго сохраненія завѣтныхъ семейныхъ преданій. Меня радовало ея рѣшеніе, которому глубоко сочувствовалъ. Мнѣ казалось тогда, не знаю почему, что этотъ шагъ имѣетъ рѣшительное значеніе и для всего Покровскаго! Во всякомъ случаѣ, молодая жизнь въ современномъ (1902) Покровскомъ возрождается въ Пушкинской семьѣ въ лицѣ сына и впучать графини Варвары Алексѣевны.

Нисколько не хочу я этимъ сказать, что привязанность къ Покровскому присуща только малой части семьи; то же чувство живетъ и въ потомствѣ Софіи Алексѣевны, въ лицѣ ея дочери княгини Екатерины Алексѣевны Святополкъ-Мирской и въ другихъ.

Отрадно, когда въ противобѣсъ къ инымъ можно выдвинуть дружную семью, крѣпкую духомъ и преданіями и не только живущую однимъ прошлымъ, но и разумнымъ воздѣйствіемъ своимъ отражающуюся на подрастающемъ поколѣніи. Такова семья Голицыныхъ, естественно и прочно водворившаяся въ родовомъ гнѣздѣ древней Вяземской усадьбы. Въ смыслѣ преемственности женскаго тихаго воздѣйствія хозяйки дома можно назвать Вяземы — родственными Покровскому. Не все же безотрадно въ настоящемъ, а живительные примѣры нашихъ дней да озаряютъ и будущее своимъ тихимъ, согрѣвающимъ свѣтомъ!

Василія Александровича и Юлію Васильевну Шереметевыхъ я засталъ живущими на Большой Конюшенной въ домѣ, что противъ Конюшеннаго вѣдомства. Они занимали квартиру нижняго этажа, съ довольно высокими комнатами, переполненными картинами. Юлія Васильевна очень любила живопись и снимала копіи. Такъ головки (greuse), которыя находятся на Фонтанкѣ, ею списаны. Мужъ ея, Василій Александровичъ, былъ въ то время, хотя и не долго, министромъ Государственныхъ имуществъ, а товарищемъ его былъ Хрущовъ. Не вполне еще выяснена исторія этого Хрущова, который былъ *persona grata* во дворцѣ Великой Княгини Елены Павловны. Въ концѣ-концовъ онъ заболѣлъ душевною болѣзнию!.. Между нимъ и В. А. Шереметевымъ не могло быть ничего общаго; воззрѣнія ихъ расходились, и каждый въ свою сторону впадалъ въ крайность, но Василій Александровичъ былъ человѣкъ уже старый, державшійся, дѣйствительно, отчасти отжившихъ взглядовъ, крутой, властный, съ отбѣнкомъ надменности; человѣкъ большого роста, въ молодости, какъ говорятъ, весьма красивый, онъ служилъ въ одномъ изъ гусарскихъ полковъ и вѣнчался въ Москвѣ съ Юліей Васильевной Шереметевой въ церкви Страннопріимнаго дома. Понятенъ выборъ этой церкви, такъ какъ отецъ Юліи Васильевны, Василій Сергѣевичъ, другъ дѣда Николая Петровича, былъ попечителемъ Страннопріимнаго дома.

Василію Александровичу принадлежало въ Орловской губ., въ Мценскомъ уѣздѣ, родовое имѣніе село Тельча. Онъ долго жилъ тамъ, предводительствовалъ и велъ дѣла свои разумно, осторожно, толково, но рука его была тяжелая. Съ виду величавый, малоподвижной, онъ нѣсколько отличался отъ другихъ Шереметевыхъ и, повидимому, напоминалъ своего отца Александра Владиміро-

вича, о которомъ сохранились отзывы современниковъ. Что побудило назначить Василю Александровича министромъ Государственныхъ имуществъ—миѣ неизвѣстно. Онъ не былъ особенно на виду, а Императоръ Александръ II къ тому же сильно недолюбливалъ шурина его Сергѣя Васильевича Шереметева, о которомъ рѣчь впереди. Столкновения между Шереметевымъ и Хрущовымъ были неизбежны, они произошли въ самой рѣзкой формѣ, оба не вынесли переживаемаго времени: Хрущовъ заболѣлъ душевною болѣзнию, а Василій Александровича постигъ параличъ, отнявшій у него движеніе руки и ногъ, онъ вынужденъ былъ покинуть министерство, и на его мѣсто назначенъ былъ Михайлъ Николаевичъ Муравьевъ.

Василій Александровичъ пріѣзжалъ въ нашу церковь уже больнымъ, за нимъ трогательно ухаживала Юлія Васильевна, на рукахъ которой онъ и скончался. Юлія Васильевна была женщина добрая, нѣсколько суетливая и нервная, словоохотливая, вспыльчивая и взыскательная. Она очень дорожила своимъ родствомъ Шереметевыхъ и говаривала не разъ, что желала бы продолженія браковъ между Шереметевыми. Домъ нашъ далеко не былъ ей чужимъ, въ церкви хранятся ея пожертвованія. Страннопріимный домъ ей дорогъ, память отца своего она свято чтитъ. Старикъ дожилъ до 1825 года и перешелъ черезъ тяжкія семейныя испытанія, въ виду прикосновенности нѣкоторыхъ изъ членовъ его семьи къ движенію 14 декабря. Подробности объ этомъ времени и объ этихъ отношеніяхъ семейныхъ находятся въ перепискѣ бабушки Варвары Петровны. Старый закалъ сказался тогда въ Василю Сергѣевичѣ во всей его силѣ; онъ сумѣлъ сдержать многочисленную семью.

Эти Шереметевы Нижегородскіе имѣли средоточіемъ своихъ владѣній знаменитое когда-то село Богородское *). Сыновья Василя Сергѣевича далеко не были бездарны и держались самостоятельно, даже съ оттънкомъ нѣсколько вызывательнымъ. Духомъ и складомъ своимъ они отличались нѣсколько отъ другихъ Шереметевыхъ. Старшій изъ сыновей, Сергѣй Васильевичъ, человекъ крайне тяжелаго и неудобнаго характера, «вольтеріанецъ», въ своемъ родѣ была личность замѣчательная по неутомимой дѣятельности и по непреклонной силѣ воли. Всю молодость онъ прослужилъ въ военной службѣ. Съ Кавалергардскимъ полкомъ совершилъ онъ походы 12, 13 и 14 годовъ, отличился подъ Бородинымъ, въ позднѣйшую турецкую кампанію получилъ Георгіевскій крестъ. Военныя достоинства его были извѣстны Императору Александру II, который однажды въ разговорѣ съ своимъ флигель-адъютантомъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ, восхваляя эти достоинства его «тезки», приговаривалъ: «C'était un mauvais coucheur» ***)!

Не страшно ли, что человекъ столь независимый и свободомыслящій всего менѣе могъ усвоить себѣ современность и необходимость коренной крестьянской реформы, тогда какъ другіе члены семьи, на которыхъ Сергѣй Васильевичъ глядѣлъ довольно свысока и пренебрежительно, оказались простодушнѣе его и, глубоко сочувствуя движенію, пошли ему навстрѣчу. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ (Нижегородскій) своимъ несомнѣннымъ умомъ и кипучею дѣятельностью оставилъ и хорошій слѣдъ, но трудность его характера затормазила его дѣятельность

---

*) См. „Славны бубны за горами, или мое путешествіе кой-куда“.
кн П. М. Долгорукаго.

**) Со словъ С. А. Шереметева.

и погубила его. Необузданный его нравъ, военная закваска времени Александра I, свободомыслие въ близкой связи съ деспотизмомъ, къ тому же нѣкоторая отчужденность—все это было Сергѣя Васильевича и пришло къ нему во время крестьянской реформы. Къ тому же личная вражда и давнее соперничество обострило отношенія двухъ современниковъ, давно другъ друга изучившихъ и нечаянно столкнувшихся на Нижегородской почвѣ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ былъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а нижегородскимъ губернаторомъ былъ старый декабристъ и мистикъ—Александръ Николаевичъ Муравьевъ, старшій изъ знаменитыхъ братьевъ колонновожатыхъ. Эти двѣ величины должны были столкнуться, и столкновение произошло рѣзкое, беспощадное. Страннымъ образомъ роли перемѣнились: старый декабристъ явился въ роли карающаго администратора, а старый солдатъ, враждебный движенію 25 года, теперь явился человѣкомъ оппозиционнымъ, почти непримиримымъ. Старые счеты вѣсплыли между ними, и столкнулись двѣ непреклонныя воли.

Всѣми ошибками Шереметева, его непонятною прямолинейностью съ лихвою воспользовались, выставя его дѣятельность еще болѣе въ мрачномъ видѣ, чѣмъ она была въ дѣйствительности—его взяли въ опеку. Разгромъ Богородскаго былъ послѣдствіемъ страстнаго рѣшенія:—Сергѣй Васильевичъ покинулъ навсегда Россію и уже глубокимъ старикомъ поселился въ Женевѣ; тамъ, говорятъ, его встрѣчали въ церкви.

Юлія Васильевна Шереметева горячо любила своихъ братьевъ и преклонялась предъ старшимъ. Всѣ эти столкновения его съ Муравьевымъ отражались на ней, раздражая и ее и Василія Александровича, съ кото-

рымъ она жила въ полнѣйшемъ согласіи. Кромѣ того, она любила извѣстную обстановку: ее вдвойнѣ смущало какъ увольненіе мужа отъ министерскаго поста, такъ и назначеніе ему преемника Муравьева же, роднаго брата нижегородскаго воеводы. Она не скрывала своего не удовольствія, даже громко его высказывала и къ тому же обязана была продолжать давнія сношенія свои съ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ, женатымъ на ея же родственницѣ, Пелагеѣ Васильевнѣ Шереметевой.

Юлія Васильевна мнѣ хорошо памятна: она была толста и курноса, похожа типомъ на свою мать Татьяну Ивановну. Сестра ея Наталья Васильевна была меньше ея ростомъ и гораздо дряхлѣе, посила парикъ и отличалась свѣтскостью. Она была довольна, что выдала дочь свою за греческаго посла князя Сутцо, который былъ красивъ, имѣлъ успѣхъ въ Петербургѣ и постоянно жилъ въ Парижѣ. Наталья Васильевна послѣ вдовства рѣдко пріѣзжала въ Петербургъ и, живя на Грязной (Николаевской) въ домѣ Ржевускихъ, давала танцевальные вечера, отличавшіеся обиліемъ дипломатовъ... Сынъ ея Михаилъ Дмитриевичъ Обрѣзковъ (son Mischinka) служилъ въ Кавалергардскомъ полку.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Императора Николая Павловича въ Москву, онъ посѣтилъ бабушку Варвару Петровну, жившую тогда въ Страннопріимномъ Домѣ.

Когда онъ подѣхалъ къ крыльцу, его не узнали и спросили: «какъ доложить?» «Доложить?» — Генераль Романовъ изъ Петербурга! — отвѣтилъ Государь. Когда сказали бабушкѣ, что ее желаетъ видѣть «генераль Романовъ», она тотчасъ же догадалась и пошла навстрѣчу Государю, который уже подходилъ. Приѣзжали дѣти и хотѣли поцѣловать ему руку. «Не такъ, а по-по-

повски»! сказалъ Государь и поцѣловаль ихъ троекратно *).

Старожилы, крестьяне въ Михайловскомъ, говорили, что дѣдъ мой оказалъ какую-то особую услугу Государю, за что онъ его и жаловаль.

Сношенія между двумя колѣнами Шереметевыхъ не прерывались, хотя и усложнялись бывало безкопечными спорными дѣлами по наслѣдству.

Третье Шереметевское колѣно (Нижегородское), семья Василя Сергѣевича Шереметева, жепатаго на Т. И. Марченко, пребывала въ Петербургѣ. Въ ней далеко не все было благополучно. Между сыновьями его оказались прикосновенные къ заговору. Даже одинъ изъ сыновей сестры дѣда Марьи Васильевны Булыгиной, именно Федоръ Ивановичъ былъ нѣсколько замѣшанъ. Дѣдъ мой былъ характера пылкаго и правдиваго, хотя и былъ человекъ кроткій и простой. Дошелъ ли до него отголосокъ готовящихся броженій, былъ ли разговоръ объ этомъ движеніи съ кѣмъ-либо, — мы не знаемъ, но если дошелъ, то нельзя сомнѣваться въ его воззрѣніяхъ.

Милости Императора Николая и дружба В. К. Миханла Павловича были неизмѣнны...

Сестра Юліи Васильевны Шереметевой — Наталья Васильевна вышла замужъ за Д. М. Обрѣзкова, человека огромнаго роста и такой же беззащитности. Его въ свѣтѣ прозывали: «le superbe» или «le gris pommelé», (аршинъ проглотилъ), и онъ былъ, можно сказать, типъ опредѣленный. Отъ него переходъ возможный къ другому подобному типу, котораго мнѣ также пришлось видѣть въ дѣтствѣ. Я говорю объ князѣ Андрѣе Борисовичѣ Голицынѣ.

---

*) Со словъ В. С. Шереметева.

Братъ извѣстной Татьяны Борисовны Потемкиной, князь Андрей Борисовичъ началъ службу при Императорѣ Александрѣ I-мъ и весьма счастливо. Все предвѣщало ему блестящую карьеру. Онъ былъ флигель - адъютантомъ Императора Александра, а ихъ было не много. Поддаваясь направленію времени и склонностямъ Государя, Голицынъ сдѣлался масономъ и мистикомъ *). Мало-по-малу онъ сталъ пользоваться все большимъ расположеніемъ Государя; любилъ онъ рассказывать, какъ въ дорогѣ Александръ Павловичъ засыпалъ на его плечѣ. Въ это время былъ онъ въ сношеніяхъ съ Магницкимъ. Голицыну давали порученія и весьма серьезныя; такъ отправленъ онъ былъ ревизовать дѣйствія нѣкоторыхъ губернаторовъ сѣверныхъ губерній. Во время этой поѣздки получилъ онъ извѣстіе о смерти Императора Александра. Голицынъ вернулся уже къ новому Государю и постоянно требовалъ принятія строгихъ мѣръ и преданія суду лицъ, которыхъ онъ былъ посланъ ревизовать. Николай Павловичъ не согласился уже потому, что безъ того пришлось начать царствованіе мѣрами строгости. Голицынъ настаивалъ и за это впалъ въ совершенную немилость и былъ удаленъ отъ Двора. Но, несмотря на то, нашелъ онъ возможность опять достигнуть свиданія съ Государемъ и опять возобновилъ свое ходатайство о преданіи суду. Государь рѣзко отказалъ. Голицынъ, указывая на портретъ Императора Александра, высказалъ, что ежели бы покойный Государь всталъ изъ гроба и посмотрѣлъ, что дѣлается, то немедленно бы вернулся въ могилу. «Въ Соловки!» — крикнулъ Николай Павловичъ, и Голицына отправили на покаяніе въ Соловецкій монастырь. И съ того дня

---

*) Со словъ Т. И. Обухова.

кончилась блестящая карьера князя Голицына, и начал он скитаться по свѣту безъ дѣла и вѣчно нуждаясь въ средствахъ, безъ разбора и безъ совѣсти занимая гдѣ придется и сколько придется, конечно никогда не возвращая занятаго! Спросить бывало рублей двѣсти-триста, скажутъ ему, что такой суммы нѣтъ, попросить пятьдесятъ; и тутъ откажутъ, — помирится и на трехъ рубляхъ. Однажды, надѣвъ военный мундиръ, прикинулся онъ графомъ Закревскимъ; подъ его именемъ вмѣшивался въ семейныя дѣла, за что едва избѣгнулъ суда. Сыпъ его Борисъ Андреевичъ присланъ былъ въ Москву Татьяной Борисовной Потемкиной, чтобы увести безпкойнаго брата. Съ трудомъ уговорили Андрея Борисовича уѣхать въ Святые горы. Сыпъ, для большей предосторожности, проводилъ отца верстъ за сто и успокоенный вернулся въ Москву. Князь Андрей Борисовичъ имѣлъ одно время привычку являться почти ежедневно въ семейство Обуховыхъ въ 12 часовъ ночи. Къ его странностямъ привыкли и Обуховы, хотя и знали, что Голицына уговорили выѣхать изъ Москвы, рассуждали между собою о возможности его возвращенія. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ отворяется дверь и входитъ князь Андрей Борисовичъ и преспокойно рассказываетъ, что сдѣлалъ удовольствіе молодому человѣку и прокатился съ нимъ, но вслѣдъ за нимъ немедленно вернулся въ Москву.

Однажды входитъ къ Обуховымъ Андрей Борисовичъ, а за нимъ братъ его Николай, котораго Обуховы не знали: «Voilà mon frère, qui joue du violoncelle», представляетъ брата Андрея Борисовичъ, а тотъ, не мало не ожидая, вытаскиваетъ виолончель и тотчасъ же садится играть. Андрею Борисовичу всячески хотѣлось возвратиться ко Двору. Во время проѣзда Императора Николая

Павловича через Ярославль, въ бытность ярославскимъ губернаторомъ родственника Голицына Полторацкаго, явился онъ неожиданно для губернатора въ Ярославль. Въѣздъ въ обѣ столицы былъ нѣкоторое время ему запрещенъ. Помѣстили его въ губернаторскомъ домѣ скрытно. Но каковъ былъ ужасъ Полторацкаго, когда онъ узналъ, что ночью Голицынъ пробрался въ кабинетъ Государя. Николай Павловичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, обращеннымъ къ нему спиной. Постоявъ у дверей нѣкоторое время въ раздумьи и покачавъ головой—А. Б. молча удалился. Когда Голицыца впоследствии объ этомъ спрашивали, онъ не отвѣчалъ никогда, а только улыбался*).

Въ 1849 году, когда въ Москвѣ освящали Кремлевскій дворецъ, Голицынъ появился въ отставномъ генеральскомъ мундирѣ, ушесенномъ у какого-то генерала со звѣздою. У Голицына звѣзды не было, но это не помѣшало ему щеголять въ мундирѣ, на которомъ замѣтны были слѣды. Онъ обѣгалъ все дворцовые коридоры, заискивая у старыхъ знакомыхъ и пріятелей придворныхъ и главнымъ образомъ хлопоталъ, чтобы его вновь приняли на дѣйствительную службу. Долго писалъ онъ Государю письмо, которое всемъ предварительно показывалъ, но что-то въ письмѣ этомъ было неловко выражено, и дѣло затягивалось. Наконецъ удалось ему доставить прошеніе Государю, который собственноручно отмѣтилъ: — «Командантомъ въ Иркутскѣ». Когда это огласилось, извѣстный Нащокинъ, пріятель Пушкина, повторялъ, что онъ готовъ поѣхать нарочно въ Иркутскъ, чтобы видѣть, какъ будетъ тамъ командантомъ распоряжаться Андрей Борисовичъ Голицынъ. Но странной случайности, въ то же время и въ такомъ же положеніи искателя и просителя, находился сынъ извѣстнаго Маг-

*) Со словъ Т. И. Обухова.

ническаго, съ которымъ Голицынъ находился въ сношеніяхъ при Императорѣ Александрѣ. Рассказывали, какъ Магницкій и Голицынъ по ночамъ бродили по дворцовымъ коридорамъ, забѣгая къ разнымъ знакомымъ для достиженія своей цѣли.

Было время, когда въ домѣ Аксакова, на Спиридоновѣ, въ верхнемъ этажѣ помѣщались кн. Андрей Борисовичъ Голицынъ, Магницкій и Саррачинскій (впослѣдствіи генераль). Это было необыкновенное сочетаніе и стоило заглянуть въ эту компанію.

На старости лѣтъ и послѣ цѣлаго ряда походовъ разнообразныхъ свойствъ закончилъ А. Б. поприще бракомъ, что также принадлежало къ числу явленій не вполне нормальныхъ, такъ какъ невѣста сама находилась въ то время въ состояніи, далеко не здоровомъ. Болѣзненные явленія, напоминавшія помѣшательство или припадки бѣлой горячки, необыкновенное расслабленіе умственное, выразившееся безумными тратами и такими же поступками, закончились бракомъ съ княземъ Голицынымъ, а вслѣдъ за тѣмъ жестокою болѣзью, параличемъ рукъ и ногъ, а въ имущественномъ отношеніи — опекою. Самый бракъ произошелъ при необыкновенныхъ условіяхъ. Невѣсту повезли въ каретѣ; она находилась въ состояніи полного помраченія сознанія. Везли ее всю ночь по городу и за городъ и наконецъ должны были вернуться домой, пока князь Голицынъ напрасно дожидаясь въ церкви села Всесвятскаго подъ Москвою.

Въ другой разъ воспользовались минутою болѣе благоприятною и наскоро обвѣнчали ихъ въ той же церкви села Всесвятскаго. Можно было предвидѣть послѣдствія такого брака. Князь Голицынъ около этого времени сталъ появляться въ Петербургѣ, выпрашивая денегъ и закидывая щельмами, въ которыхъ онъ подробно гово-

рилъ о посѣщеніяхъ его Св. Іоанномъ Предтечею и другими святыми и о разговорахъ его, князя Голицына, съ ними... Почему-то онъ нашелъ нужнымъ подарить мнѣ двѣ картины, масляными красками, весьма посредственныя: видъ Гибралтара и Венеціи.

Князь Голицынъ дѣлалъ всѣ походы 12, 13 и 14 годовъ, носилъ Кульмскій крестъ и служилъ у Паскевича. Помню его сѣтованіе о томъ, что не имѣетъ значенія въ государствѣ и разговоры о близости его къ Императору Александру.

Вотъ разсказъ свидѣтеля. У В. П. Шереметевой сидѣлъ однажды князь А. Б. Голицынъ; только что онъ вышелъ, какъ она зоветъ своего буфетчика Шванкера и выговариваетъ ему, зачѣмъ приняли князя Голицына одного, когда это навсегда было запрещено изъ предосторожности. Впрочемъ, уликъ слишкомъ ясныхъ не было, но было сомнѣніе.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ влюбленъ былъ въ графиню Чернышеву Софію Григорьевну, на сестрѣ которой Наталіи женился впоследствии братъ Николай Николаевичъ. Обѣ онѣ были красавицы и жили въ знаменитомъ Чернышевскомъ имѣніи Волоколамскаго уѣзда—с. Яропольцы. Андрей Николаевичъ любилъ пріѣзжать туда верхомъ (онъ всегда былъ наѣздникомъ), и не рѣдко съ графинею Чернышевой разѣзжали оба верхами по окрестностямъ, бывали вдвоемъ въ Іосифовѣ Волоколамскомъ монастырѣ, возвращались при лунномъ свѣтѣ, словомъ—завязался настоящій романъ; но всѣ мечты разлетѣлись въ прахъ, когда Николай Николаевичъ женился на сестрѣ, и такимъ образомъ, по уставу церковному, бракъ Андрея Николаевича становился невозможнымъ. Онъ навсегда отказался отъ этой мысли, и обстоятельство это повліяло на всю его жизнь. Когда-то Ан-

дрей Николаевичъ воспѣлъ Яропольцы стихами подъ заглавіемъ «Замокъ на Ламѣ».

Когда Николай Михайловичъ Муравьевъ, сынъ Михаила Николаевича Муравьева, былъ вице-губернаторомъ въ Рязани, губернаторомъ былъ князь Черкасскій. Его жена, теща барона Э. А. Бюлера, имѣла обыкновеніе румяниться. Муравьевъ нарочно скупилъ въ Рязани всѣ румяна, губернаторша хватилась ихъ, и нигдѣ найти не могла.

Старшій братъ его, Василій Михайловичъ Муравьевъ, былъ любимецъ родителей, въ особенности Пелагеи Васильевны. Онъ былъ доровитъ и скончался въ молодыхъ годахъ въ Сибири, гдѣ и похороненъ. Сохранился видъ той церкви, около которой его могила *). Онъ велъ изъ Сибири интересную переписку съ родителями.

Всѣхъ пережилъ третій братъ, Леонидъ Михайловичъ, дважды женатый и оставившій отъ второй жены (Оржипкой) многочисленное потомство. Первая жена его была Гежелинская и умерла въ холеру 1853 года. Несомнѣнно умный и пріятный, Леонидъ Михайловичъ преждевременно опустился и замкнулся въ семейномъ своемъ кренделѣ, отдѣлившись значительно отъ прочихъ членовъ семьи. Онъ сталъ лѣпивъ; обремененный заботами житейскими, при пошатнувшемся здоровьѣ, онъ скончался отъ водянки.

Бабушка Екатерина Васильевна была крестною матерью дядѣ Сергѣю Сергѣевичу Шереметеву, которому всегда особенно сочувствовала; зная его слабости и недостатки, она цѣнила его горячее сердце, и онъ, конечно, питалъ къ ней самую пламенную привязанность. Въ многочисленной семьѣ онъ росъ нѣсколько безпокойно, нерѣдко озабочивая родителей своими выходками и увлеченіями.

---

*) Принадлежитъ дѣтямъ С. М. Шереметевой.

Помѣщенный съ Артиллерійское училище, онъ уже тогда началъ свои приключенія; такъ, чѣмъ-то провинившись, онъ рѣшился на смѣлый шагъ: неожиданно, негаданно появился онъ на парадной лѣстницѣ дома, занимаемаго австрійскимъ посломъ, графомъ Фикельмономъ, дочь котораго, будущая графиня Кляри, была воспитана тою же графинею Паскались, которая воспитывала всѣхъ дочерей бабушки Варвары Петровны. Въ виду этого между домомъ Фикельмона и Шереметевыми была нѣкоторая близость, тѣмъ болѣе что жена посла была дочерью известной Хитровой, пріятельницы А. С. Пушкина и урожденной Толстой. Это та самая «Лиза», которую воспѣли Пушкинъ съ Вяземскимъ въ известныхъ стихахъ:

„Лиза въ городѣ была,
Лиза въ городѣ жила
Съ дочкой Долицькой.
Лиза въ городѣ жила,
Лиза въ городѣ слыла
Лизой голенькой.
Теперь Лиза „en gala“
У австрійскаго посла,
Не попрежнему мила,
А попрежнему гола“.

Я помню, какъ на обѣдѣ въ Эмсѣ у Императора Александра II онъ шутя припоминалъ эти стихи вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ. Итакъ, семейная близость окридила молодого артиллериста, и онъ появился на парадной лѣстницѣ, стоя въ углу, пока многочисленные гости поднимались къ послу на большой званый вечеръ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Великій князь Михаилъ Павловичъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній. Его-то и поджидалъ молодой кадетъ, и когда онъ появился на лѣстницѣ, онъ стремительно бросился къ нему на колѣни. Все въ этомъ дѣйствіи было непра-

вильно, все грозило строжайшимъ наказаніемъ, но Сергѣй Сергѣевичъ такъ сумѣлъ разжалобить Великаго князя, что тотъ, пожуривъ его, махнулъ рукой, и дѣло осталось безъ послѣдствій. Не кончивъ курса въ Артиллерійскомъ училищѣ, онъ перешелъ въ армію, въ драгунскій полкъ, служилъ нѣкоторое время въ Курскѣ ординарцемъ при дядѣ своемъ А. Н. Потановѣ, двоюродномъ братѣ Варвары Петровны, служилъ нѣкоторое время въ Кавалергардскомъ полку, вышелъ въ отставку, женился на Вар. Петр. Горчаковой, умершей въ холеру 1853 года. Она была мила и оживленна, съ неизбѣжной Горчаковской горчичкой, пламенно любила своего мужа и перѣдко скорбѣла о его легкомысліи и слабости. Онъ проживалъ въ Коломенскомъ имѣніи жены въ селѣ Лаптевѣ, гдѣ впервые у него гостилъ молодой врачъ Л. К. Эйсмонтъ. Съ тѣхъ поръ они сдѣлались пріятелями. Они трунили другъ надъ другомъ. Онъ называлъ его докторъ «асафетида», а когда скончалась Варвара Петровна, онъ еще больше привязался къ нему. Здѣсь начало близости Л. К. съ семьей Шереметевыхъ. Пробываніе въ Покровскомъ одновременно съ дочерью М. Н. Муравьева Софьею Михайловною вселило въ пылкаго С. С. самую восторженную къ пей любовь. Увы! она этому чувству вовсе не отвѣчала. Затихше Покровскаго не помогло развитію этого романа, и только неожиданное обстоятельство пособило благопріятному его окончанію. Въ то время загорѣлась Восточная войша. С. С. сразу пожелалъ поступить вновь въ военную службу въ Кіевскій гусарскій полкъ герцога Лехтенбергскаго и притомъ опредѣлился тогда, когда опасность грозила Севастополю; туда въ этотъ много-страдальный Севастополь направился С. С. и, прощаясь съ семьєю, еще разъ просилъ позволенія Софьи Ми-

хайловны вернуться къ прежнему, если онъ возвратится невредимымъ. Ее тронулъ этотъ порывъ, и она дала ему это позволеніе. Далѣе слѣдуетъ Севастополь—С. С. выдерживаетъ осаду, служба ординарцемъ у главнокомандующаго кн. Горчакова. Тамъ же и тесть его, князь Петръ Дмитріевичъ, рыцарь безъ страха и упрека. С. С. состоятъ при главнокомандующемъ въ день кроваваго боя подь Черпой рѣчкой *), онъ переживаетъ бомбардировки и приступы, онъ сберегъ у себя осколки гранаты, упавшей у его ногъ. И вотъ наступаетъ послѣдній день Севастополя. Живо помню рассказъ о немъ дяди Сергѣя С—ча. Послѣдній приступъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ, англичане съ сильными потерями отброшены съ Большого Редана; никому не было тайной, однако, что дни Севастополя были сочтены. Послѣ взятія Камчатскаго люнета ясно было, что Малахову не сдобровать. Съ высотъ Николаевской батареи кн. Горчаковъ со своимъ штабомъ слѣдили за ходомъ боя. Любимецъ войска ген. Хрулевъ являлся всюду, гдѣ была опасность. Но вотъ приходитъ роковая вѣсть, что французскій флагъ водруженъ на Малаховѣ курганѣ. Хрулевъ съ нѣсколькими баталіонами настойчиво требуетъ разрѣшенія взять его обратно. Главнокомандующій, видя, что ключъ позиціи въ рукахъ у непріятеля и бесполезно дальнѣйшее кровопролитіе, остановилъ его. Всѣ мысли его были направлены къ тому, чтобы армію нашу благополучно перевести черезъ понтонный мостъ на Сѣверную сторону Севастополя. Подъ непрестаннымъ огнемъ, среди раскатовъ, причиняемыхъ послѣдовательными взрывами укрѣпленій, началось медленное и стройное отсту-

*) Передъ самымъ началомъ боя, когда кн. Горчаковъ выѣхалъ на позицію, онъ, обращаясь къ С. С. Шереметеву, произнесъ: „*Mon cher, nous serons f. . .*“. Извѣстно, что Горчаковъ не по своей волѣ далъ сраженіе.

пление всей нашей армии через Севастопольскую бухту. У самого моста находилось возвышенное укрепленье, которое все было минировано. Князь Горчаков въѣхал на него верхом и, окруженный свитой, слѣдилъ за отступательнымъ движеніемъ войска. Былъ данъ приказъ, что если бы непріятелю удалось нарушить спокойное отступление и помѣшать ему, то онъ, князь Горчаковъ, со всѣмъ своимъ штабомъ долженъ былъ взлетѣть на воздухъ. Тогда при немъ, въ числѣ многихъ, находился С. С. Ш., но вотъ проходятъ черезъ мостъ послѣднія части армии, навсегда покидающей южную сторону Севастополя. Никого уже не осталось на Южномъ берегу, тогда главнокомандующій перекрестился и медленно повернулъ коня на поптонный мостъ, за нимъ послѣдовала шагомъ вся его свита...

Паденіемъ Севастополя ускорила развязка, и миръ былъ заключенъ. Вернулся домой и С. С. Шереметевъ. Вскорѣ послѣ радостной встрѣчи онъ напомнилъ С. М. Муравьевой данное ему позволеніе. На этотъ разъ она согласилась. Свадьбу отпраздновали въ Москвѣ въ нашей церкви Знаменія Божіей Матери, что на Воздвиженкѣ, но семейная радость не была общей: мать Софьи Михайловны, самолюбивая и властная Пелагея Васильевна, будущая графиня (которую А. М. Муравьевъ называлъ не иначе, какъ «архиграфиня»), никогда не примирилась съ этимъ бракомъ. Она не прощала С. С. ни его удачи, ни даже его безконечно длинныхъ усовъ, которыми онъ по нѣскольку разъ заворачивалъ около ушей или же завязывалъ бантомъ въ видѣ галстуга. Она желала для своей дочери болѣе блистательнаго жениха и вовсе не скрывала своего негодованія. Совершенно иначе отнесся къ этому отецъ, М. Н. Муравьевъ. Не скрывая себѣ недостатковъ С. С., онъ

при видѣ непзбѣжности и любя болѣе всего свою единственную дочь, всячески старался смягчить отношенія, въ чемъ много ему помогала давняя его пріязнь къ старѣйшимъ тогда представителямъ семьи Шереметевыхъ. И вотъ началась семейная жизнь Софьи Михайловны. Исторія ея проста и повторяетъ то, что поется въ известной пѣснѣ «Деревня». У нея было 12 чело-вѣкъ дѣтей. Помнилъ С. С. неизмѣнно доброе къ нему отношеніе М. Н. Муравьева и не остался у него въ долгу. Когда въ 1863 г., въ разгарѣ Польскаго возста-нія, Муравьевъ направился въ Вильну почти на вѣрную смерть, С. С. отъ него не отходилъ и безсмѣннымъ часовымъ оставался при немъ во все время возстанія и пребыванія въ Вильнѣ. Похоронивъ своего тестя, а за нимъ черезъ нѣсколько лѣтъ и Пелагею Васильевну, похоронивъ затѣмъ и жену, подъ бременемъ лѣтъ и преждевременнаго упадка силъ, вызваннаго несчастнымъ недугомъ, онъ, однако, послѣднія педѣли своей жизни медленно и тихо приближался къ концу и умеръ хри-стіаниномъ смиреннымъ, примирившимся человѣкомъ и притомъ бытовымъ, никогда не измѣнившимъ завѣтамъ своихъ родителей. По собственному его желанью, мо-гила была приготовлена у входа въ часовню, гдѣ по-коится М. Н. Муравьевъ съ женою, дочерью и внуч-кою. У вратъ этой часовни, осѣненной золоченымъ ку-поломъ съ осмяконечнымъ крестомъ, словно часовой у порога родной обители, находится съ распятіемъ па-мятникъ, на которомъ начертано имя С. С. Шереметева.

У Василя Петровича Шереметева былъ братъ—Бо-рисъ; онъ оставилъ довольно хорошее состояніе, часть котораго досталась его племяннику Алексѣю Василье-вичу, хотя и не безъ хлопотъ. Нѣкто Самсоновъ умѣлъ приобрѣсти довѣріе Бориса Петровича тѣмъ, что

постоянно ухаживалъ за нимъ, разсчитывая воспользоваться наслѣдствомъ его. Онъ добился того, что Шереметевъ рѣшился написать духовное завѣщаніе въ его пользу. Бумага уже была приготовлена Самсоновымъ и подана Шереметеву для подписанія; но въ ту минуту, какъ Борисъ Петровичъ уже собирался подписать, онъ былъ разбитъ параличомъ. Самсонову его продѣлка не удалась. Между тѣмъ Алексѣй Васильевичъ и не думалъ о томъ, чтобы привлечь дядю въ свою пользу. Когда же умеръ Борисъ Петровичъ, то имѣніе его, находившееся въ Орловской губерніи, досталось по закону Алексѣю Васильевичу, какъ единственному наслѣднику. Между тѣмъ двоюродный братъ его Василій Александровичъ Шереметевъ (сынъ Александра Владиміровича) при случайной съ нимъ встрѣчѣ поздравилъ его съ наслѣдствомъ имѣнія и капитала Бориса Петровича. Алексѣй Васильевичъ объяснилъ ему, что никакого капитала онъ не получалъ. Тогда удивленный Василій Александровичъ объявилъ, что капиталъ непременно долженъ быть и что онъ знаетъ это достовѣрно, потому что самъ недавно еще купилъ у покойнаго имѣніе. Вспомнили тогда о С. и потребовали его къ объясненію; оказалось, что онъ капиталъ оставилъ себѣ и старался доказать, что имѣетъ на то право. Тогда совѣтовали Алексѣю Васильевичу начать процессъ, который легко бы рѣшился въ его пользу. Но онъ предпочелъ покончить дѣло мировою для того только, чтобы не начинать его, хотя самъ очень нуждался въ деньгахъ. С. согласился возратить часть капитала законному наслѣднику, а отъ остальной Алексѣй Васильевичъ отказался навсегда. По смерти своей матери онъ почти безвыѣздно жилъ въ любимомъ своемъ Покровскомъ, гдѣ и похороненъ въ 1857 году въ склепѣ сельской церкви.

* * *

Изъ числа многочисленныхъ посѣтителей Воздвиженскаго дома, Богъ вѣсть откуда собиравшихся, иной разъ довольно подозрительныхъ, осталось у меня въ памяти оригинальное существо подъ названіемъ «Персида». Эта Персида была происхожденія венгерскаго, уже не молодая женщина, неизвѣстно какимъ образомъ попавшая въ Москву и въ домъ къ бабушкѣ Варварѣ Петровнѣ. Она отличалась тѣмъ, что молодилась, ежеминутно влюбляясь, и въ такомъ quasi - влюбленномъ настроеніи подходила она къ фортепіано и своему предмету пѣвала далеко не свѣжимъ и невѣрнымъ голосомъ. Такъ, вздыхала она болѣе другихъ объ Борисѣ Сергѣевичѣ Шереметевѣ *). Сядетъ за фортепіано и запоетъ:

„Мнѣ мило то мѣстечко,
Гдѣ Боренькино сердечко
Боренька,
Душенька!
Душенька ты мо-о-о-ой!..“

И всякій разъ послѣднія слова звучали совершенно фальшиво. Бывали и варианты къ этой пѣсенкѣ; такъ, напримѣръ, отцу моему она пѣвала:

„Мнѣ мило то мѣстечко,
Гдѣ Митинькино сердечко“ и т. д.

Но все-таки чаще обращалась она къ дядѣ Борису Сергѣевичу. Она же пѣвала какой-то дикій романсъ со словами:

„Коламзуфъ-Коламсмеръ!.. **)

---

*) Почтенная Постникова, старый другъ Ек. Вас. Шереметовой, любуясь чертами Бориса Сергѣевича въ молодости, имѣла обыкновеніе переводить имя его „Борисъ“ на французское beau-russe.

***) Со словъ гр. Д. Н. Шереметева.

Нельзя не назвать и Залетовой Елизаветы Сергѣевны, «Залетной птицы», но бабушка Варвара Петровна никогда не могла запомнить ея настоящаго имени и звала ее Полетаевой. Безпокойная, навязчивая, вѣчно впопыхахъ, сновала она всюду и всѣмъ надоѣдала. А. Морозова,—старуха злобная и вздорная, которая все бранилась и которую я въ дѣтствѣ особенно боялся. Или, вотъ еще старуха Каменская съ горбомъ, дальняя родственница «la cousine Kamensky»; ей помогали, потому что ей дѣйствительно печѣмъ было жить. Марья Павловна Полугарская, помѣщица, всегдашняя богомолка въ Троицкой лаврѣ и восторженная почитательница отца Антонія, сильная тараторка, доходившая до изнеможенія своей болтовней, примѣсь французскаго съ нижегородскимъ; то и дѣло бывало: «ле-пей-зе-транже», «ле-перъ-Антуанъ»—но въ сущности добрая душа. Она окончательно поселилась въ Лаврѣ, гдѣ и похоронена рядомъ съ мужемъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Весьма часто приходила къ бабушкѣ и была съ нею на родственной ногѣ старушка Екатерина Васильевна Шандаровская. Высокаго роста, съ совершенно сѣдыми волосами, она была сдержанна и молчалива, выдѣлялась отъ прочихъ старушекъ скромною благовоспитанностью. Я не помню голоса, но вижу ее, постоянно часами сидѣвшую на зеленыхъ креслахъ уютной комнаты бабушки Екатерины Васильевны. Съ нею иногда приходила и дочь ея Ольга съ больнымъ глазомъ.—Это потомство Анны Артамоновны Панипой, стараго испытаннаго друга прабабушки Анны Семеновны Шереметевой. Драгоцѣнная переписка послѣдней съ Анной Артамоновной подарена мнѣ Ольгой Петровной Шандаровской. Въ лицѣ ея и донинѣ сохранились семейныя преданія XVIII

вѣга въ связи съ семействомъ Паниныхъ, родственнымъ екатерининскимъ сановникамъ, не отличавшимся, однако, къ нимъ особою близостью. Это отразилось и на слѣдующемъ поколѣннн; но въ то время какъ Панины совершенно отвернулись отъ своихъ небогатыхъ родственниковъ, Шереметевы, главнымъ образомъ въ лицѣ Екатерины Васильевны, оказывали неизмѣнное родственное сочувствіе и поддержку. Старую Воздвиженку нельзя себѣ представить безъ семейства Шандаровскихъ, а о другихъ разнообразныхъ посѣтителяхъ упоминаю въ иномъ мѣстѣ. Черезъ посредство В. А. Шереметева, О. Шандаровская сдѣлалась извѣстною Императору Александру III, оказавшему ей незабвенную для нея поддержку. Бывало, какъ взойдешь въ комнату бабушки Екатерины Васильевны, неизбѣжно встрѣтишь въ ней кого-нибудь изъ старушекъ. Les vieillotes, — говаривала она. Для всѣхъ у ней было готово слово утѣшенія. То не была благотворительность показная, облегчаемая достаткомъ, но слово утѣшенія и нравственной поддержки, вмѣстѣ съ заботою о дальнѣйшей судьбѣ, бывали у ней неизмѣнны, и это глубоко цѣнилось всѣми, приходившими подъ ея кровль; память ея жива была въ многочисленныхъ сердцахъ, ей беззавѣтно преданныхъ. И мы всѣ, еще оставшіеся въ живыхъ и знавшіе ее, соблюдаемъ, какъ неизмѣнное сокровище ея свѣтлую и назидательную память.

Около бабушки Ек. В. неизмѣнно и обязательно вспоминаются навсегда ежедневно чередующіяся при ней племянницы Евдокія и Александра Ивановны Булыгины. Каждая изъ нихъ появлялась въ опредѣленный часъ, смѣняя одну другую. Онѣ жили на сторонѣ своимъ особымъ хозяйствомъ и, несмотря на одиночество, никогда не пожелали переселиться навсегда къ кому-либо. Въ тѣсномъ общенн со всѣми близкими, онѣ сохраняли

извѣстную самостоятельность и тотъ особый складъ, упрощающій сношенія и особенно пріятельскій, который не всегда сходился съ Алмазовскимъ настроеніемъ. Въ лицѣ ихъ какъ бы проникалъ въ дальнѣйшія поколѣнія семьи свѣтлый лучъ болѣе отдаленнаго времени, восходящаго къ предѣламъ XVIII вѣка.

Трипклеръ Анна Петровна. Несчастливая, озлобленная женщина, которая за всѣ попеченія бабушки Екатерины Васильевны отвѣчала колкостями и неумѣстными выходками. «Золота, дайте мнѣ золота; милліоны, милліоны!» твердила она въ изступленіи, словно помѣшанная; раскладывала свой пасьянсъ и гадала на картахъ. Ко всѣмъ ея прелестямъ еще присоединялась и слабость къ крѣпкимъ напиткамъ. На Воздвиженкѣ неизмѣнно подавалась водка, настоенная на разныхъ травахъ, по старому семейному рецепту, и назывался этотъ наборъ «Шереметевскимъ». Вотъ этой-то настойкой и злоупотребляла нерѣдко Анна Петровна Трипклеръ, рожденная дѣвица Ширяева. Отцу ея принадлежало сосѣднее съ Покровскимъ село Батурово *), смежное съ Немировымъ, когда-то принадлежавшимъ Скрыпичинымъ — потомству Натальи Петровны Скрыпичиной-Алмазовой, — сестры бабушки Варвары Петровны. Она также была красавицей и многимъ кружила голову. Въ числѣ ея жертвъ былъ князь Александръ Дмитріевичъ Львовъ.

У бабушки В. П. неизмѣнно подавалась также водка, настоенная на померанцахъ, «помаранцовая», какъ проносили въ семьѣ. Особое произношеніе бывало у дѣда Василя Сергѣевича Шереметева: такъ, говорилъ онъ «деревянскій» вмѣсто деревенскій, «мадрацы» вмѣсто матрасы, «кумполь» вмѣсто куполь и пр. Въ По-

---

*) Нынѣ принадлежащее гр. В. В. Мусинь-Пушкину.

кровскомъ особенно славилась постомъ «тюря» и характеренъ бывалъ ужипъ:—на зеленомъ сукнѣ стола, безъ скатерти, которая подавалась только къ обѣду.

Здѣсь набросаны кое-какъ отрывочные и несвязные семейные рассказы о временахъ минувшихъ, объ отшедшихъ поколѣніяхъ, объ лицахъ, имѣвшихъ къ нимъ отношенія, или просто ихъ современникахъ. Такихъ рассказовъ можно написать еще много, но они могутъ имѣть значеніе лишь въ общемъ сводѣ того, что сохранила память. Желательно и впредь не пропускать всѣхъ случаевъ добыванія тѣхъ устныхъ отдѣльныхъ рассказовъ и воспоминаній, которые иначе уходятъ въ могилу вмѣстѣ со своими рассказчиками. Такія свѣдѣнія не только не мѣшаютъ собиранію архивныхъ матеріаловъ, документовъ и писемъ, но даютъ имъ иногда дополнительную и выразительную окраску. Никогда не слѣдуетъ терять случая, хотя бы и неожиданно представляющагося, для добыванія подобныхъ живыхъ отголосковъ. Конечно, эти рассказы требуютъ внимательной провѣрки и находятся въ зависимости отъ силы памяти и точности повѣствующаго. Предъ нами яркій примѣръ драгоценной записной книжки князя П. А. Вяземскаго. Да послужитъ она образцомъ для всѣхъ, желающихъ въ семьѣ нашей сохранять слѣды и ловить впечатлѣнія минувшаго, передавая послѣдующимъ поколѣніямъ по возможности живые образы и дѣянія стародавнія.

Не даромъ же говорить крылатое народное слово:
«Старина, старина!—съ мозгомъ была».

Г. С. Ш.

Михайловское,
23 марта 1903 г. *).

*) † К. А. Иславина.

RVC-903
Шереметев
1.

R 11.713